

Научно-исследовательский центр «Иннова»

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
НАУЧНЫХ ИЗЫСКАНИЙ: ТЕОРИЯ,
МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА**

Сборник научных трудов по материалам
XIV Международной научно-практической
конференции,
30 марта 2026 года, г.-к. Анапа

Анапа
2026

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89

ББК 94.3 + 72.4: 72.5

П27

Главный редактор:
Скорикова Екатерина Николаевна

Редакционная коллегия:

Бондаренко С. В., к.э.н., профессор (Россия, г. Краснодар), **Дегтярев Г. В.**, д.т.н., профессор (Россия, г. Краснодар), **Хилько Н. А.**, д.э.н., доцент (Россия, г. Анапа), **Ожерельева Н. Р.**, к.э.н., доцент (Россия, г. Анапа), **Жиянова Н. Э.**, к.э.н., профессор (Узбекистан, г. Ташкент), **Климов С. В.** к.п.н., доцент (Россия, г. Пермь), **Михайлов В. И.** к.ю.н., доцент (Россия, г. Москва).

П27 ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНЫХ ИЗЫСКАНИЙ: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА. Сборник научных трудов по материалам XIV Международной научно-практической конференции (г.-к. Анапа, 30 марта 2026 г.). – Анапа: НИЦ ЭСП в ЮФО, 2026. - 93 с.

ISBN 978-5-95356-974-3

В настоящем издании представлены материалы XIV Международной научно-практической конференции «Перспективы развития научных изысканий: теория, методология, практика», состоявшейся 30 марта 2026 года в г.-к. Анапа. Материалы конференции посвящены актуальным проблемам науки, общества и образования. Рассматриваются теоретические и методологические вопросы в социальных, гуманитарных и естественных науках.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, всех, кто интересуется достижениями современной науки.

За содержание и достоверность статей, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Информация об опубликованных статьях размещена на платформе научной электронной библиотеки (eLIBRARY.ru). **Договор № 2341-12/2017К от 27.12.2017 г.**

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.innova-science.ru.

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89
ББК 94.3 + 72.4: 72.5**ISBN 978-5-95356-974-3**

© Коллектив авторов, 2026.
© ООО «НИЦ ЭСП» в ЮФО
(подразделение НИЦ «Иннова»), 2026.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НАВЫКА СОСТАВЛЕНИЯ

ОПИСАТЕЛЬНОГО РАССКАЗА У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ С

ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

Авамилева Мавиле Замировна 5

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ РЕЧИ

У ДЕТЕЙ С ТНР ПОСРЕДСТВОМ ДИДАКТИЧЕСКИХ ИГР

Калашишникова Лилия Александровна 10

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИГРОВЫХ УПРАЖНЕНИЙ В РАЗВИТИИ

ГРАФОМОТОРНЫХ НАВЫКОВ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО

ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

III УРОВНЯ

Калямина Анна Алексеевна 16

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕЙРОПРОПИСЕЙ В

КОРРЕКЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ РЕЧИ У ДЕТЕЙ С

ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

Нечай Екатерина Нодаровна 24

ИГРОВОЙ НЕЙРОПОДХОД В ФОРМИРОВАНИИ НАВЫКА

СМЫСЛОВОГО ЧТЕНИЯ У ДЕТЕЙ С ОБЩИМ

НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

Рябикина Эльвина Николаевна 31

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИНГВИСТИКА

DECEPTIVE COGNATES: POTENTIAL FOR MISTRANSLATION TO

ESCALATE INTO INTERNATIONAL DISPUTES

Гатауллина Суфия Альфредовна 37

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В УСЛОВИЯХ РАДИКАЛЬНОЙ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ

Гусева Анна Владиславна..... 42

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

*О КИНОЛОГИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ В ТАМОЖЕННЫХ
ОРГАНАХ*

Исаева Елизавета Сергеевна 50

БЮДЖЕТНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Коваленко Евгений Андреевич 55

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАУКИ

РЕДКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОФЕССИИ: СПЕЦИФИКА

ТРУДА, ТРАНСФОРМАЦИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Жариков Алексей Дмитриевич, Жарикова Анастасия Дмитриевна

Зильбербранд София Львовна, Кулаков Александр Александрович..... 62

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ВЛИЯНИЕ СИСТЕМАТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ СПОРТИВНЫМИ

БАЛЬНЫМИ ТАНЦАМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ У СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ

ЗАВЕДЕНИЙ

Мирошниченко Вероника Сергеевна..... 67

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ЖЕНЩИНА В ЧЕЧЕНСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ИЗМЕНЕНИЕ СТАТУСА

И СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ В XX-XXI ВВ.

Успанов Шамиль Саламбекович 83

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

ЧЕЧЕНЦЕВ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ИСТОРИКО-

КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Успанов Шамиль Саламбекович 88

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 376.36-053.4

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НАВЫКА СОСТАВЛЕНИЯ ОПИСАТЕЛЬНОГО РАССКАЗА У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

Авамилева Мавиле Замировна

студент кафедры специального дефектологического образования

Научный руководитель: Моцовкина Елена Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры специального

(дефектологического) образования,

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,

Симферополь, Россия

***Аннотация.** Статья посвящена актуальной проблеме развития связной речи у детей с особыми образовательными потребностями. В работе анализируются особенности формирования навыка составления описательного рассказа у старших дошкольников с общим недоразвитием речи. Рассматриваются характерные трудности, которые испытывают дети данной категории при продуцировании монологов-описаний (бедность словаря, нарушения логики и связности, аграмматизм). Определяются основные направления коррекционно-логопедической работы по обучению описательной речи, способствующие успешной подготовке детей к школьному обучению.*

***Ключевые слова:** старшие дошкольники, общее недоразвитие речи, описательный рассказ, связная речь, логопедическая коррекция, словарный запас, монологическое высказывание*

***Abstract.** The article addresses the pressing issue of developing coherent speech in children with special educational needs. The paper analyzes the peculiarities of*

forming the skill of composing a descriptive story in older preschoolers with General Speech Underdevelopment. It examines the typical difficulties that children in this category experience when producing descriptive monologues (limited vocabulary, impaired logic and coherence, agrammatism). The main directions of speech therapy correction work on teaching descriptive speech are determined, contributing to the successful preparation of children for schooling.

Keywords: *older preschoolers, General Speech Underdevelopment (GSU), descriptive story, coherent speech, speech therapy correction, vocabulary, monologue utterance*

Введение. Проблема развития связной речи у детей дошкольного возраста традиционно находится в центре внимания исследователей и практиков в области логопедии и дошкольной педагогики. Особую значимость она приобретает применительно к детям с общим недоразвитием речи (далее – ОНР), поскольку качество сформированности монологической речи является одним из ключевых показателей готовности ребенка к школьному обучению и его дальнейшей социальной адаптации. Среди различных типов монологических высказываний особое место занимает описательный рассказ, требующий от ребенка умения выделять и называть признаки предмета, соблюдать логику описания и использовать точные языковые средства.

Основная часть. Анализ литературы позволяет выделить несколько характерных особенностей, присущих описательным рассказам детей данной категории. Как отмечает О. М. Буянова, старшие дошкольники с общим недоразвитием речи испытывают значительные трудности при продуцировании связных высказываний, и описание предметов не является исключением [2].

Т. А. Долидович отмечает, что у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи наблюдается бедность словарного запаса, особенно в части прилагательных и наречий, необходимых для детальной характеристики предметов. Дети с ОНР часто ограничиваются перечислением частей предмета, но затрудняются в описании его цвета, формы, величины, фактуры, функционального назначения. В их речи преобладают существительные и глаголы, тогда

как качественная лексика, позволяющая сделать описание ярким и точным, практически отсутствует [3].

В. П. Евсеенкова считает, что второй важнейшей особенностью являются нарушения логики и связности высказывания. В норме старшие дошкольники постепенно овладевают структурой описания: название предмета, перечисление его свойств и признаков в определенной последовательности, выражение эмоционального отношения. У детей с ОНР эта структура нарушается. Их рассказы часто представляют собой хаотичное перечисление деталей без соблюдения логической схемы, наблюдаются пропуски смысловых звеньев, соскальзывание на другую тему [4].

Третья группа трудностей связана с аграмматизмом, то есть нарушением грамматического оформления высказывания. П. Д. Брежнева отмечает, что дети неправильно согласуют прилагательные с существительными в роде, числе и падеже (например, «красная шарф», «пять яблоков»), испытывают трудности в употреблении предложно-падежных конструкций. Это делает их речь не только маловыразительной, но и трудной для понимания [1].

Кроме того, для многих дошкольников с ОНР характерны низкая речевая активность, неуверенность в своих силах, быстрая истощаемость внимания при необходимости строить развернутое высказывание. Им требуется внешняя стимуляция со стороны взрослого в виде наводящих вопросов, подсказок, образца.

Преодоление выявленных трудностей требует системной и целенаправленной коррекционной работы. Современные исследователи предлагают различные методические подходы к формированию навыка составления описательного рассказа у дошкольников с ОНР.

Одним из наиболее эффективных, по мнению П. Д. Брежневой, является метод наглядного моделирования. Использование схем, пиктограмм, мнемотаблиц позволяет визуализировать структуру описательного рассказа и служит внешней опорой для внутреннего программирования высказывания. Например, модель описания предмета может включать последовательные ячейки, обозначающие цвет, форму, величину, части, материал, действие с предметом. Такая

наглядность помогает ребенку удерживать логическую последовательность и преодолевать фрагментарность повествования [1].

Важным направлением является обогащение и активизация словарного запаса, в первую очередь атрибутивной лексики. Логопедическая работа включает специальные игры и упражнения на подбор признаков к предмету («Подбери слово», «Какой, какая, какие?»), сравнение предметов, отгадывание предметов по описанию (игра «Чудесный мешочек»). Параллельно ведется работа по преодолению аграмматизма: отрабатываются навыки согласования прилагательных с существительными, правильного употребления падежных окончаний.

Коррекционная работа должна строиться с соблюдением принципа постепенного усложнения. На начальном этапе дети учатся составлять описание по непосредственному восприятию предмета (игрушки, натурального объекта), затем с опорой на картинку, и лишь потом – по памяти или с элементами воображения. Эффективным приемом является использование парной и коллективной работы, составление рассказа-описания по кругу, когда каждый ребенок добавляет по одному предложению [4].

Важно подчеркнуть, что успешность формирования навыков описательной речи напрямую зависит от согласованности действий логопеда, воспитателей и родителей. Закрепление речевых умений должно происходить не только на логопедических занятиях, но и в других режимных моментах, в свободной игровой деятельности и в домашних условиях.

Заключение. Таким образом, развитие навыка составления описательного рассказа у старших дошкольников с общим недоразвитием речи представляет собой сложную многоаспектную проблему. Дети данной категории испытывают стойкие трудности, обусловленные бедностью словаря, несформированностью логико-смыслового программирования текста и аграмматизмом. Эффективная коррекционная работа должна быть направлена на формирование всех компонентов речевой системы в их взаимосвязи, с обязательным использованием средств наглядного моделирования, поэтапным усложнением заданий и активным включением в процесс всех участников образовательных отношений.

Целенаправленная работа по обучению описательной речи способствует не только речевому развитию, но и успешной подготовке дошкольников с ОНР к обучению в школе, их социализации и личностному становлению.

Список литературы

1. Брежнева, П. Д. Коррекционно-педагогические условия формирования навыков описательного рассказа у старших дошкольников с общим недоразвитием речи средствами моделирования / П. Д. Брежнева / Студенческий. – 2020. – № 11-1(97). – С. 45-46.

2. Буянова, О. М. Теоретические аспекты изучения формирования навыка описательного рассказа у старших дошкольников с общим недоразвитием речи / О. М. Буянова / Научный Лидер. – 2023. – № 18(116). – С. 83-87.

3. Долидович, Т. А. Особенности развития навыков описательного рассказа у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи / Т. А. Долидович / Молодежь XXI века: образование, наука, инновации : материалы VIII Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием: в 4 ч., Новосибирск, 04–06 декабря 2019 года. Том Часть 3. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2019. – С. 121-122.

4. Евсеенкова, В. П. Некоторые особенности развития навыков составления описательного рассказа у младших школьников с общим недоразвитием речи / В. П. Евсеенкова / Мир педагогики и психологии. – 2025. – № 3(104). – С. 194-198.

УДК 376.37

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ РЕЧИ
У ДЕТЕЙ С ТНР ПОСРЕДСТВОМ ДИДАКТИЧЕСКИХ ИГР****Калашникова Лилия Александровна**

студент кафедры специального дефектологического образования,

Научный руководитель: Свириденко Ирина Анатольевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры специального

(дефектологического) образования,

Крымский инженерно-педагогический университет имени

Февзи Якубова, Симферополь, Россия

***Аннотация.** Статья посвящена анализу специфики развития грамматического строя речи у детей с тяжёлыми нарушениями речи (ТНР) через применение дидактических игр. Рассматриваются характерные особенности грамматических нарушений у данной категории детей, включая сложности в словоизменении, словообразовании и согласовании частей речи. Особое внимание уделяется роли дидактической игры как эффективного коррекционного средства, обеспечивающего естественную мотивацию к речевой деятельности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки эффективных методик логопедической работы с детьми с ТНР в условиях инклюзивного образования.*

***Ключевые слова:** тяжёлые нарушения речи, грамматический строй речи, дидактические игры, коррекционная работа, логопедическое сопровождение, речевое развитие, школьники*

***Abstract.** The article is devoted to the analysis of the specifics of the development of the grammatical structure of speech in children with severe speech impairments (SLI) through the use of didactic games. The characteristic features of grammatical*

disorders in this category of children are considered, including difficulties in word inflection, word formation and coordination of parts of speech. The relevance of the study is due to the need to develop effective methods of speech therapy work with children with SLI in the context of inclusive education.

Keywords: *severe speech impairments, grammatical structure of speech, didactic games, correctional work, speech therapy support, speech development, preschoolers*

Клиническая характеристика грамматических нарушений у детей с ТНР

Тяжёлые нарушения речи представляют собой комплексную речевую патологию, затрагивающую все компоненты языковой системы. Грамматический строй речи как структурный компонент языковой системы включает морфологию и синтаксис. Как отмечает Т. В. Волосовец, «грамматические нарушения при ТНР характеризуются не только количественной бедностью, но и качественным своеобразием использования грамматических форм и конструкций» [1].

Специфика грамматических нарушений проявляется в следующих аспектах:

- затруднения в усвоении системы словоизменения (падежных окончаний, предложно-падежных конструкций, согласования существительных с прилагательными и числительными);
- ограниченность синтаксических конструкций (преобладание простых нераспространённых предложений, аграмматизмы в построении сложных предложений);
- нарушение согласования слов в роде, числе и падеже;
- трудности понимания и употребления предлогов, особенно сложных пространственных;

Исследование О. С. Ушаковой и Е. М. Струниной демонстрирует, что у детей старшего дошкольного возраста с ТНР грамматические ошибки встречаются в 7-9 раз чаще, чем у нормотипичных сверстников [7]. Нейропсихологические исследования последних лет показывают, что в основе грамматических

нарушений при ТНР лежит дефицитарность функций программирования, регуляции и контроля речевой деятельности, связанная с недостаточностью префронтальных отделов коры головного мозга [4].

Особую сложность представляет формирование у детей с ТНР навыков грамматического структурирования в спонтанной речи. Как показывают наблюдения практиков, ребёнок может правильно выполнить задание на словоизменение в условиях специально организованной деятельности, но продолжает допускать аграмматизмы в свободном речевом общении.

Игра как ведущее средство формирования грамматических навыков в дошкольном возрасте

Дидактическая игра в системе логопедической работы с детьми с ТНР выполняет особую функцию, выступая не только методическим приёмом, но и естественной формой детской деятельности, обеспечивающей мотивационную основу коррекционного процесса. По мнению Л. С. Выготского, игра создаёт зону ближайшего развития ребёнка, позволяя ему действовать «на головку выше себя» [2].

Специфика применения дидактических игр для развития грамматического строя речи у детей с ТНР определяется следующими принципами:

- постепенное усложнение грамматического материала от простых форм словоизменения к сложным словообразовательным моделям;
- многократность повторения грамматических операций в различных игровых контекстах;
- опора на наглядность и практическое действие с предметами;
- формирование осознанности грамматических операций через проблемно-игровые ситуации.

Игры с предметами и игрушками: - создают конкретную наглядную основу для усвоения грамматических форм; - особенно эффективны для формирования падежных окончаний, предложно-падежных конструкций, согласования слов.

Словесные игры: - автоматизируют грамматические навыки; - переносят усвоенные операции в речевую практику; - развивают языковое чутьё и грамматическую интуицию;

Компьютерные дидактические игры: - обеспечивают интерактивность и мгновенную обратную связь; - повышают мотивацию современных детей; - позволяют индивидуализировать темп и сложность заданий; - создают мультисенсорную основу для усвоения грамматики.

Особого внимания заслуживает вопрос о структуре игрового занятия по формированию грамматических навыков. Согласно исследованию Н. В. Серебряковой, оптимальная структура включает подготовительный этап и этап закрепления (перенос навыка в самостоятельную речевую деятельность через сюжетно-ролевую игру) [5].

Практические аспекты организации игровой коррекционной работы

На начальном этапе работы приоритет отдаётся формированию наиболее простых и частотных грамматических форм. К ним относятся:

- изменение существительных по числам (один-много);
- согласование существительных с глаголами настоящего времени;
- образование уменьшительно-ласкательных форм существительных;
- простые предлоги пространственного значения (в, на, под, за).

Для отработки данных категорий эффективны игры типа «Один-много» (с мячом, с картинками, с предметами), «Поручения» (выполнение действий с предметами с использованием предложно-падежных конструкций).

Примером комплексной игры, направленной на формирование падежных окончаний и предлогов, может служить игра «Путешествие Колобка». Такая игра обеспечивает связь между практическим действием, его восприятием и речевым оформлением, что особенно важно для детей с ТНР [3].

На среднем этапе коррекционной работы осваиваются более сложные грамматические операции:

- согласование прилагательных с существительными в роде, числе, падеже;

- образование относительных прилагательных от существительных;
- употребление творительного падежа существительных;
- образование глаголов совершенного и несовершенного вида;

Для этого этапа подходят игры «Какой? Какая? Какое?» (подбор определений), «Что делает? Что сделал?» (видовые пары глаголов).

Заключительный этап предполагает работу над наиболее сложными грамматическими явлениями:

- образование притяжательных прилагательных;
- сложные случаи словообразования (названия профессий, детёнышей животных);
- переносное значение слов и фразеологизмы.

Заключение

Проведённый анализ позволяет утверждать, что дидактическая игра является оптимальным средством развития грамматического строя речи у детей с тяжёлыми нарушениями речи. Игровая форма обучения соответствует психологическим особенностям дошкольников, обеспечивает положительную мотивацию к речевой деятельности, создаёт условия для многократного повторения грамматических операций в различных контекстах и способствует переносу усвоенных навыков в спонтанную речь.

Список литературы

1. Волосовец Т. В. Современные подходы к диагностике и коррекции речевых нарушений у детей: монография. М.: МПГУ, 2023. 284 с.
2. Выготский Л. С. Психология развития ребёнка. М.: Эксмо, 2022. 512 с.
3. Жукова Н. С., Мастюкова Е. М. Преодоление общего недоразвития речи у дошкольников: учебно-методическое пособие. М.: Просвещение, 2023. 239 с.
4. Корнев А. Н., Ишимова О. А. Нейропсихологические основы логопедической работы при тяжёлых нарушениях речи / Специальное образование. 2024. № 2 (74). С. 45-62. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=60184523> (дата обращения: 15.01.2025).

5. Нищева Н. В. Комплексная образовательная программа дошкольного образования для детей с тяжёлыми нарушениями речи (общим недоразвитием речи) с 3 до 7 лет. СПб.: Детство-Пресс, 2024. 352 с.

6. Поваляева М. А. Коррекционная педагогика. Взаимодействие специалистов: учебное пособие. Ростов-на-Дону: Феникс, 2023. 478 с.

7. Ушакова О. С., Струнина Е. М. Развитие речи детей дошкольного возраста в условиях реализации ФГОС ДО / Педагогическое образование в России. 2024. № 1. С. 89-97. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=60427816> (дата обращения: 15.01.2025).

УДК 376

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИГРОВЫХ УПРАЖНЕНИЙ В РАЗВИТИИ
ГРАФОМОТОРНЫХ НАВЫКОВ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО
ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ
III УРОВНЯ**

Калямина Анна Алексеевна

бакалавр

Научный руководитель: Дорощева Татьяна Анатольевна,

канд.пед.наук, доцент

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова»,

город Абакан, Республика Хакасия

***Аннотация.** В этой статье рассматриваются возможности применения игровых упражнений в развитии графомоторных навыков у старших дошкольников с общим недоразвитием речи III уровня.*

***Ключевые слова:** графомоторные навыки, старший дошкольный возраст, общее недоразвитие речи, игровые упражнения, развитие*

Подготовка руки к письму – это важный этап подготовки ребенка к обучению в школе. Старший дошкольный возраст является самым благоприятным для развития графомоторных навыков детей. В этот период важно развивать мелкую моторику и координацию движений руки.

На современном этапе развития образования и постоянного возрастания требований к уровню готовности детей к обучению, главными и актуальными становятся исследования, которые посвящены поиску путей эффективной подготовки к обучению в школе дошкольников, имеющих нарушения речи. В период раннего и дошкольного детства ребёнок при благоприятных внешних условиях в состоянии овладеть целым рядом умений, важных для успешного усвоения навыков письма в школе. Дошкольный возраст – период интенсивного роста

сформированности всех органов системы организма. Именно в дошкольном возрасте формируются те двигательные качества, навыки и умения, которые служат основой его нормального физического и психического развития [9].

Актуальность проблемы заключается в том, что полноценное моторное и речевое развитие залог успешного освоения грамоты и чтения. Письменная речь формируется на основе устной, и дети, страдающие общим недоразвитием речи и моторной недостаточностью, являются потенциальными детьми с нарушениями письма и чтения.

В настоящее время все больше увеличивается число детей с нарушениями речи, в том числе и с общим недоразвитием речи. Графомоторные навыки детей с ОНР III уровня отличаются незрелостью сложных произвольных форм зрительно-моторной координации. У детей наблюдается нарушение ориентировки на листе бумаги, неправильное положение руки вовремя графомоторной деятельности, слабая развитость мелкой моторики [7].

Для овладения письмом как графомоторным навыком, кроме сформированных оптико-пространственных представлений, фонематического восприятия, необходим достаточный уровень развития двигательных навыков, об этом говорится в работах Т. Б. Филичевой, Г. Ф. Чиркиной детям с общим недоразвитием речи характерно отставание в развитии двигательной сферы. У некоторых детей двигательная недостаточность выражается в виде плохой координации сложных движений, неуверенности в выполнении точных движений, снижении скорости и ловкости выполнения [12].

Развитие графомоторных навыков – длительный и сложный физиологический, психологический и педагогический процесс. Под графомоторными навыками понимают определенное положение и движения пишущей руки, которое позволяет: рисовать, раскрашивать, копировать простейшие узоры, соединять точки, правильно удерживать пишущий предмет.

Графомоторные навыки — это не просто двигательный акт, а сложный психофизиологический процесс, который обеспечивается совместной работой таких

анализаторов как зрительного, речедвигательного, речеслухового, двигательного [4].

По мнению М. М. Безруких, письмо – это особая форма речи, при которой её элементы фиксируются на бумаге путём начертания графических символов, соответствующих элементам устной речи. Русское письмо – звукобуквенное, поэтому важной единицей обучения является формирование графического навыка письма. Графический навык – это определённые привычные положения и движения пишущей руки, позволяющие изображать письменные знаки и их соединения [3].

Графомоторные навыки развиваются, а графомоторные движения регулируются за счет зрительно-моторной координации. Когда эти способности сформировались, то можно говорить о том, что ребенок готов к поступлению в школу.

Наиболее благоприятным для развития графомоторных навыков является возраст 6-7 лет. Исследователи отмечают, что, если организовывать различные виды деятельности в этом возрасте, систематически использовать тренировочные упражнения, можно достичь хороших результатов в развитии пальцевой моторики и графомоторных навыков у детей. Начиная со старшей группы, развитие мелкой моторики становится составной частью большой работы по подготовке к обучению письму. Для удержания и сохранения внимания и живого интереса детей подбирается 4 интересный материал, разнообразные игры и игровые упражнения. Игровые моменты в процессе подготовки руки к письму ориентируют ребенка контролировать зрительно-моторную деятельность, а также стимулируют желание заниматься определенным видом деятельности в течение продолжительного времени [1].

При правильно сформированном графомоторном навыке ребенок будет писать буквы разборчиво, красиво и быстро. Если же графомоторный навык будет сформирован недостаточно, то возникнут определенные трудности на письме: неразборчивый, небрежный почерк, медленный темп написания слов. А переделка неправильно сформированного графического навыка бывает не просто затруднена, но и порой невозможна [10].

Исследования выявили, что если развитие движений пальцев соответствует возрасту (норма), то и развитие речи тоже в пределах нормы, если же развитие пальцев отстает - отстает и развитие речи. Дети с общим недоразвитием речи являются особой категорией дошкольников с недостаточными предпосылками для овладения письмом, у них наблюдается нарушение мелкой моторики пальцев рук, что мешает освоению навыка письма, усвоению орфографических навыков и соответственно развитию речевой деятельности в целом [11].

Недостатки развития мелкой моторики у детей с ОНР проявляются:

- в нарушении точности, быстроты, переключаемости и координированности движений;
- затруднениях динамической и статической организации двигательного акта;
- невозможности быстрого и плавного воспроизведения предложенных движений;
- снижение двигательной памяти и самоконтроля;
- замедленности, застревании на одной позе [4].

Развитие графомоторных навыков является одним из компонентов готовности к учебной деятельности. В связи с этим возникает потребность включения в образовательный процесс игр и упражнений на развитие графомоторных навыков с учетом особенностей развития детей с ОНР.

Работа должна быть систематизирована и проходить по трём направлениям:

1. формирование тонко координированных движений пальцев и кисти руки;
2. формирование зрительно – пространственной ориентировки;
3. формирование зрительно – моторной координации.

Каждое направление имеет свои игры и упражнения, направленные на приобретение ребёнком определённых знаний и умений. Все упражнения должны быть составлены с учетом постепенного перехода от простого к сложному, и многократно повторяются [2].

Формирование тонко координированных движений пальцев и кисти руки.

Одним из условий для формирования графомоторных навыков является хорошее развитие тонко координированных движений пальцев и кисти руки. Для этого актуальны игры на развитие мелкой моторики, силы и подвижности пальцев и кисти рук.

Это такие игры и упражнения, как нанизывание бусинок на ниточку, выкладывание фигур из пуговиц, крупы, камушков, разнообразные мозаики. Плетение косичек из лент, наматывание их на палочку. Разнообразные шнуровки, застёжки. Завязывание, развязывание бантиков, узелочков. Всё это способствует развитию мелкой моторики.

Для многих упражнений целесообразно применение не только горизонтальных, но и вертикальных плоскостей. Рисование на больших вертикальных поверхностях позволяет детям использовать размашистые движения рук, которые способствуют развитию прочности и гибкости суставов и мышц рук, спины. Держа руку навису, ребёнок испытывает давление сила тяжести, что позволяет укреплять мышцы в процессе рисования. Работа на вертикальной поверхности требует контроля со стороны мышц лучезапястного сустава, что способствует развитию и стабилизации силы кисти руки [5].

Формирование зрительно – пространственной ориентировки.

Для успешного формирования графомоторных навыков и профилактики зеркального письма необходимо развивать зрительно – пространственную ориентировку. Необходимо научить ребёнка ориентироваться в пространстве.

В этом нам поможет игра «Пройди по дорожке с завязанными глазами». Навык качественного письма зависит от состояния зрительного восприятия. Чем лучше ребенок распознаёт зрительные образы, тем быстрее и лучше овладеет письмом и чтением.

Для развития зрительного слежения хорошо применять упражнение «Зашумлённые предметы». Изображения можно «опознавать», пересчитывать, обводить пальцем или фломастером. Заштриховать, вырезать или закрасить по

заданию, например, чтобы кукла находилась перед домиком, а дерево за ним. Благодаря этой простой игре мы развиваем у детей зрительное восприятие и ориентировку на плоскости [8].

Формирование зрительно - моторной координации.

Для выработки согласованных движений глаза и руки необходимо применять такие упражнения. Сначала рисование прямых линий, соединение точек, кружочков. Потом усложняем. Соединение точек по образцу, повторение нарисованной фигуры. Или дается задание придумать самому фигуру и нарисовать.

И, конечно же, работа на вертикальной поверхности имеет непосредственное отношение к развитию зрительного внимания и координации у детей, испытывающих в этом затруднения. Упражнения такие как «Дорисуй картинку», обводка шаблонов, трафаретов, штриховка в разных направлениях способствуют формированию уверенности и чёткости движения руки, координации глаза – ручных движений. А использование трафарета или шаблона на вертикальной поверхности даёт дополнительные усложнения. Требует от ребёнка особого контроля за положением частей собственного тела относительно друг друга и в пространстве. И определённых усилий для того, чтобы удержать внимание на объекте, который изображает.

Закрашивание, хорошее упражнение для формирования зрительно – моторной координации, а также для регулирования силы нажима на карандаш, понимания движения кисти руки, развития усидчивости.

Рисование извилистых линий. Обвести вокруг фигур без отрыва руки (сначала берём крупные, потом мелкие фигуры). Это помогает развивать согласованные движения руки и глаз, уверенность кисти руки. Если при рисовании прямых линий рука должна быть твердой и точной, то здесь её нужно как бы раскрепостить, сделать кисть руки более легкой и подвижной.

Одним из упражнений максимально приближенным к условиям учебной деятельности, является графический диктант – рисование по клеточкам под диктовку взрослого. Помогает предотвратить такие трудности в обучении, как несформированность орфографической зоркости, неусидчивость,

невнимательность и рассеянность, плохую ориентацию в тетради. Так же формирует у детей такие важные навыки, как слуховое внимание, пространственная ориентация, точность движений руки. Конечно, прежде чем давать графический диктант нужно научить детей: ориентироваться на листе в клетку, рисовать фигуры, узоры, по клеточкам начиная с простейший [6].

Таким образом, графомоторный навык – это сложный координационный навык, который требует точной согласованности не только пальцев и кистей рук, но также и всей мускулатуры тела в целом. У детей с общим недоразвитием речи отстает в развитии от детей с нормой общая и мелкая моторика. У большинства детей это отставание проявляется в неуверенности выполнения движений, снижается их точность и ловкость, также наблюдается плохая координация движений. Можно отметить тот факт, что у детей с общим недоразвитием речи страдает зрительная координация, произвольное внимание, также отмечается нарушения зрительно пространственной координации. Все это может негативно сказаться на обучении в начальной школе. Поэтому работа по развитию графомоторного навыка должна начинаться задолго до поступления в школу.

Список литературы

1. Астахова Т. В. Формирование графомоторных навыков у дошкольников/ Т. В. Астахова. – М.: Владос,- 2000. – 156 с.
2. Беззубцева Г. В., Андриевская Т.Н. Развиваем руку ребенка, готовим ее к рисованию и письму: Конспекты занятий с играми и упражнениями по развитию мелкой моторики и графических навыков у детей 5-7 лет/ Г. В. Беззубцева, Т. Н. Андриевская. - М.: Издательство «ГНОМ и Д», -2003. - 120 с.
3. Безруких, М. М. Этапы формирования навыка письма/ М. М. Безруких. – Москва: Просвещение, -2003. – 232 с.
4. Габова М. А. Дошкольная педагогика. Развитие пространственного мышления и графических умений. Учебное пособие для бакалавриата и магистратуры/ М. А. Габова – М.: Юрайт, -2016. – 707 с.

5. Горбатова Е. В. Готовим руку к письму: графические игры и упражнения для детей старшего дошкольного возраста: пособие для педагогов учреждений/ Е. В. Горбатова – Мозырь: Белый ветер, -2005. – 210 с.

6. Иншакова О. Б. Развитие и коррекция графомоторных навыков у детей 5-7 лет: Пособие для логопеда: в 2-х ч. Ч. 1: Формирование зрительно-предметного гнозиса и зрительно-моторной координации/О. Б. Иншакова.-М.: Владос, -2003. -183 с.

7. Исаева М. А. «Формирование навыков графомоторного компонента письма у дошкольников с ограниченными возможностями здоровья»/ М. А. Исаева.-М. Владос. -2007.-163 с.

8. Короткова Е. А. Рисование, аппликация, конструирование в детском саду/ Е. А. Короткова. - Ярославль: Академия развития, 2019.- 128 с.

9. Коррекционная педагогика: Основы обучения и воспитания детей с отклонениями в развитии: Учебное пособие для студ. сред. пед. учебн. заведений. /Под ред. Б. П. Пузанова. – М.: 2014.-268 с.

10. Преодоление нарушений письменной речи [Электронный ресурс]: учебно-методическое пособие/ — Электрон. текстовые данные. — СПб.: КАРО, 2011.— 160 с.

11. Тельминова А.В. «Развитие графомоторных навыков у младших школьников с нарушениями речи»/ А. В. Тельминова.-М.: Просвещение, -2003.- 205 с.

12. Филичева Т. Б. Основы логопедии/ Т. Б. Филичева. — М.: Просвещение, 2015.-152 с.

УДК 376.37

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕЙРОПРОПИСЕЙ
В КОРРЕКЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ РЕЧИ У ДЕТЕЙ
С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ**

Нечай Екатерина Нодаровна

студент кафедры специального дефектологического образования

Научный руководитель: Анисимова Людмила Сергеевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры специального

(дефектологического) образования,

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,

Симферополь, Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются теоретические предпосылки использования нейропрописей в системе логопедической работы по коррекции грамматического строя речи у детей с общим недоразвитием речи (ОНР). Анализируются современные научные взгляды на нейропсихологические механизмы формирования грамматических категорий. Обосновывается взаимосвязь между развитием межполушарного взаимодействия, графомоторных навыков и усвоением грамматических закономерностей. Раскрывается коррекционно-развивающий потенциал нейропрописей как средства, интегрирующего двигательные и речевые компоненты в структуре логопедического занятия. Делается вывод о необходимости внедрения нейропсихологического подхода в практику коррекции грамматического строя речи при ОНР.*

***Abstract.** The article examines the theoretical prerequisites for the use of neuro-workbooks in the system of speech therapy work on the correction of the grammatical structure of speech in children with general speech underdevelopment (GSU). Modern scientific views on the neuropsychological mechanisms of the formation of grammatical categories are analyzed. The relationship between the development of*

interhemispheric interaction, graphomotor skills and the assimilation of grammatical patterns is substantiated. The correctional and developmental potential of neuro-workbooks as a means of integrating motor and speech components in the structure of a speech therapy lesson is revealed. The conclusion is drawn about the need to introduce a neuropsychological approach into the practice of correcting the grammatical structure of speech in GSU.

Ключевые слова: *общее недоразвитие речи (ОНР), грамматический строй речи, нейропрописи, нейропсихологический подход, межполушарное взаимодействие, графомоторные навыки, коррекционная педагогика*

Keywords: *general speech underdevelopment (GSU), grammatical structure of speech, neuro-workbooks, neuropsychological approach, interhemispheric interaction, graphomotor skills, correctional pedagogy*

Введение. Проблема коррекции грамматического строя речи у детей с общим недоразвитием речи (ОНР) является одной из центральных в современной логопедии. Грамматический строй, будучи наиболее сложным и поздно формирующимся компонентом языковой системы, у детей с ОНР отличается стойкими и разнообразными нарушениями, которые проявляются в трудностях словоизменения, словообразования и синтаксического конструирования. Традиционные методики коррекции, разработанные Р. И. Лалаевой, Н. В. Серебряковой, Т. Б. Филичевой и другими авторами, направлены преимущественно на развитие собственно языковых операций. Однако в последние десятилетия все более актуальным становится нейропсихологический подход, рассматривающий речь как высшую психическую функцию, обеспечиваемую слаженной работой различных отделов головного мозга.

Внедрение нейропсихологических знаний в логопедическую практику открывает новые возможности для повышения эффективности коррекционной работы. Одним из перспективных инструментов в этом направлении являются нейропрописи — система графических упражнений, направленных на развитие межполушарного взаимодействия, пространственных представлений и сенсомоторной координации. Вопрос о теоретическом обосновании применения

нейропрописей именно для коррекции грамматического строя речи у детей с ОНР требует детального анализа и систематизации имеющихся научных данных.

Нейропсихологические механизмы формирования грамматического строя речи.

Для понимания механизмов воздействия нейропрописей на речевое развитие необходимо обратиться к учению А. Р. Лурии о трех функциональных блоках мозга и системной динамической локализации высших психических функций. Согласно этой концепции, любой психический процесс, включая речь, обеспечивается совместной работой трех основных блоков: энергетического (стволовые и подкорковые структуры), блока приема, переработки и хранения информации (височные, теменные, затылочные отделы) и блока программирования, регуляции и контроля деятельности (лобные отделы).

Грамматическое структурирование высказывания представляет собой сложный многоуровневый процесс. Как отмечает Т. В. Ахутина, в порождении грамматически оформленного высказывания участвуют как задние отделы коры (височно-теменно-затылочная область), отвечающие за выбор языковых единиц и их парадигматические отношения, так и передние отделы, обеспечивающие синтагматическую организацию, грамматическое прогнозирование и контроль.

У детей с ОНР, как показывают нейропсихологические исследования, часто наблюдается несформированность межполушарного взаимодействия, дефицитарность функций стволовых и подкорковых структур, а также незрелость префронтальных отделов. Это проявляется в быстрой истощаемости, трудностях удержания программы высказывания, пространственных ошибках (что напрямую влияет на усвоение предложно-падежных конструкций) и нарушении серийной организации движений, которая лежит в основе как речевого акта, так и графической деятельности. Нейропрописи как средство интеграции двигательного и речевого развития.

Нейропрописи представляют собой не просто прописи в традиционном понимании, а комплексный нейропсихологический инструмент. В отличие от

обычных прописей, направленных на формирование каллиграфического навыка, нейропрописи ставят более широкие задачи: синхронизацию работы полушарий, развитие зрительно-моторной координации, пространственной ориентировки и тактильных ощущений.

Основное отличие нейропрописей заключается в характере заданий. Они включают:

1. Двуручное рисование (одновременное выполнение симметричных и асимметричных движений обеими руками), что способствует активизации мозолистого тела — структуры, соединяющей полушария.

2. Зеркальное рисование (копирование рисунка ведущей и неведущей рукой), развивающее пространственные представления и произвольную регуляцию.

3. Графические дорожки с усложняющейся траекторией, требующие удержания программы действий и переключения внимания.

4. Кинезиологические упражнения, интегрированные в процесс письма (например, «кулак-ребро-ладонь» в сочетании с проговариванием).

С точки зрения нейропсихологии, выполнение таких упражнений воздействует на все три функциональных блока мозга. Во-первых, происходит активизация энергетического блока за счет сенсорной стимуляции и повышения общего тонуса коры. Во-вторых, развивается блок приема и переработки информации через тактильные, кинестетические и зрительно-пространственные стимулы. В-третьих, программирование последовательности движений и контроль за их выполнением активизируют лобные отделы.

Теоретическое обоснование влияния нейропрописей на грамматический строй речи.

Связь между развитием моторики (особенно двуручной деятельности) и формированием грамматического строя речи имеет глубокие теоретические основания. Исследованиями доказано, что речевые и моторные центры в коре головного мозга находятся в тесном анатомическом и функциональном взаимодействии. Проекция кисти руки занимает почти треть всей площади двигательной

зоны коры, и ее стимуляция оказывает активирующее влияние на речевые зоны.

Однако механизм влияния нейропрописей на грамматику не ограничивается только моторной стимуляцией. Можно выделить несколько опосредующих звеньев:

1. Развитие серийной организации движений. Грамматическое структурирование фразы, как и выполнение последовательности графических движений, требует плавного переключения с одного элемента на другой. Отработка серийной организации в двигательной сфере (через рисование дорожек, орнаментов) создает базу для формирования синтагматических цепочек в речи.

2. Формирование пространственных представлений. Многие грамматические категории (предлоги, падежные окончания, выражающие пространственные отношения) имеют пространственную природу. Ребенок, который на уровне тела освоил схемы «право-лево», «верх-низ», «внутри-снаружи», легче усваивает соответствующие языковые конструкции. Нейропрописи через графическую деятельность моделируют эти пространственные схемы, переводя их из телесного опыта в знаково-символический план.

3. Развитие межполушарного взаимодействия. Усвоение грамматических правил требует сочетания интуитивного чувства языка (правополушарная функция) и сознательного применения правил (левополушарная функция). Двуручная деятельность в нейропрописях способствует синхронизации работы полушарий, создавая условия для более эффективного взаимодействия этих двух стратегий обработки языкового материала.

4. Повышение произвольной регуляции. Лобные отделы мозга, отвечающие за программирование и контроль, созревают достаточно поздно и часто оказываются незрелыми у детей с ОНР. Выполнение графических заданий по инструкции, удержание программы действий, самоконтроль за качеством выполнения — все это тренирует произвольную регуляцию, которая необходима и для построения развернутого грамматически правильного высказывания.

Интеграция нейропрописей в структуру логопедической работы

Теоретический анализ позволяет рассматривать нейропрописи не как

изолированную методику, а как органичную составляющую комплексного логопедического воздействия. Наиболее эффективным представляется включение нейропсихологических упражнений в структуру традиционного логопедического занятия по коррекции грамматического строя.

Возможны следующие варианты интеграции:

- использование двуручного рисования на этапе организационного момента для активизации внимания и межполушарного взаимодействия;
- выполнение графических заданий, сопряженных с проговариванием грамматических форм (например, обводя контур яблока двумя руками, ребенок проговаривает «яблоко — яблочный сок, яблочное варенье»);
- применение кинезиологических упражнений в качестве динамической паузы, что позволяет закрепить речевой материал через двигательную активность.

Таким образом, логопедическое воздействие, «наложенное» на активизированную нейросенсорную базу, имеет больше шансов на успешную автоматизацию грамматических навыков и их перенос в спонтанную речь.

Список литературы

1. Ахутина, Т. В. Нейролингвистический подход к диагностике и коррекции трудностей обучения письму / Т. В. Ахутина / Современные подходы к диагностике и коррекции речевых расстройств. — Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. — С. 41–54. — Текст: непосредственный.
2. Колганова, В. С. Нейропсихологические занятия с детьми : практическое пособие / В. С. Колганова, Е. В. Пивоварова. — Москва: АЙРИС-пресс, 2015. — 144 с. — Текст: непосредственный.
3. Лурия, А. Р. Основы нейропсихологии: учебное пособие / А. Р. Лурия. — Москва: Академия, 2006. — 384 с. — Текст: непосредственный.
4. Филичева, Т. Б. Дети с общим недоразвитием речи. Воспитание и обучение: учебно-методическое пособие / Т. Б. Филичева, Т. В. Туманова. — Москва: Гном и Д, 2000. — 128 с. — Текст: непосредственный.

5. Цветкова, Л. С. Методика нейропсихологической диагностики детей / Л. С. Цветкова. — Москва: Педагогическое общество России, 2000. — 128 с. — Текст: непосредственный.

6. Семенович, А. В. Введение в нейропсихологию детского возраста: учебное пособие / А. В. Семенович. — Москва: Генезис, 2005. — 319 с. — Текст: непосредственный.

УДК 376

ИГРОВОЙ НЕЙРОПОДХОД В ФОРМИРОВАНИИ НАВЫКА СМЫСЛОВОГО ЧТЕНИЯ У ДЕТЕЙ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

Рябикина Эльвина Николаевна

студент

Научный руководитель: Анисимова Людмила Сергеевна,

к.э.н., доцент

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет

имени Февзи Якубова»,

город Симферополь

***Аннотация.** Статья посвящена актуальной проблеме формирования навыков смыслового чтения у детей с общим недоразвитием речи посредством игровых нейротехнологий. Рассматриваются современные подходы к интеграции нейропсихологических методов и игровых технологий в логопедическую практику. Анализируются механизмы воздействия игрового нейроподхода на развитие высших психических функций и речевых компетенций.*

The article is devoted to the actual problem of the formation of semantic reading skills in children with general speech underdevelopment through the use of game neurotechnologies. Modern approaches to the integration of neuropsychological methods and game technologies into speech therapy practice are considered. The mechanisms of the impact of the game neuroapproach on the development of higher mental functions and speech competencies are analyzed.

***Ключевые слова:** смысловое чтение, общее недоразвитие речи, нейропсихологический подход, игровые технологии, коррекционная педагогика, логопедическая работа*

***Keywords:** semantic reading, general speech underdevelopment,*

neuropsychological approach, game technologies, correctional pedagogy, speech therapy

Смысловое чтение представляет собой сложнейший когнитивный процесс, требующий скоординированной работы множества мозговых структур. У детей с общим недоразвитием речи (ОНР) этот процесс осложняется дефицитностью речевых функций, что неизбежно сказывается на формировании читательской компетенции.

По данным исследований 2024 года, в России количество детей дошкольного возраста с ОНР различных уровней составляет около 40% от общего числа воспитанников логопедических групп. Это тревожная статистика. Более того — она показывает устойчивую тенденцию к росту, что связано с увеличением перинатальных рисков, ранней цифровизацией детства и дефицитом живого речевого общения в семьях.

Нейропсихологический подход к коррекции речевых нарушений базируется на понимании мозговой организации высших психических функций. Согласно концепции А. Р. Лурия, любая сложная психическая деятельность, включая чтение, представляет собой функциональную систему, в которой участвуют различные отделы мозга. При ОНР нарушается не просто речевая функция изолированно — страдает вся система межфункциональных взаимодействий.

Исследования последних лет убедительно демонстрируют:

- нарушение фонематического восприятия у детей с ОНР коррелирует с недостаточностью левополушарных височных структур;
- трудности программирования речевого высказывания связаны с дефицитностью лобных отделов;
- проблемы удержания смысловой программы текста обусловлены слабостью межполушарного взаимодействия;
- недостаточность пространственных представлений влияет на формирование зрительного образа слова.

Игра — естественная форма существования ребёнка. Это не метафора, а нейробиологический факт: в игровой деятельности активизируются те же

мозговые структуры, что и при освоении новых навыков, но при этом снижается уровень стресса и повышается мотивация.

Игровой нейроподход представляет собой интеграцию нейропсихологических методов с игровыми технологиями. Суть его проста и одновременно глубока: коррекционное воздействие осуществляется через специально организованную игровую деятельность, направленную на активизацию и развитие определённых мозговых зон и межзональных связей. Какие же механизмы делают этот подход столь эффективным?

Во-первых, игра обеспечивает полимодальность восприятия информации. Ребёнок одновременно видит, слышит, двигается, тактильно ощущает — задействуются все сенсорные каналы. Это создаёт множественные нейронные связи, способствующие более прочному усвоению материала.

Во-вторых, игровая форма снижает порог тревожности. Дети с речевыми нарушениями часто испытывают страх ошибки, особенно при чтении вслух. В игре ошибка становится не поводом для стыда, а элементом игрового процесса, стимулом для новой попытки.

В-третьих — и это критически важно — игра позволяет гибко дозировать нагрузку. Нейропсихологические упражнения могут быть весьма утомительны для детей с ОНР, имеющих, как правило, снижение умственной работоспособности. Игровая оболочка маскирует коррекционную направленность, делая процесс менее энергозатратным психологически.

Современные исследования выделяют несколько типов нейроигр, эффективных для формирования предпосылок смыслового чтения:

- игры на развитие межполушарного взаимодействия (двуручное рисование, перекрёстные движения);
- игры на формирование пространственных представлений (конструирование, графические диктанты);
- игры на развитие программирования и контроля (последовательные действия по алгоритму);
- игры на развитие фонематических процессов с двигательным

КОМПОНЕНТОМ;

- игры на формирование зрительно-моторной координации.

Особого внимания заслуживает вопрос этапности коррекционной работы. Нельзя начинать с непосредственного обучения чтению. Сначала необходим подготовительный этап — формирование базовых нейропсихологических предпосылок. Затем идёт этап отработки технических навыков чтения в игровой форме. И только потом — этап развития собственно смыслового чтения, понимания и интерпретации текста.

Внедрение игрового нейроподхода в коррекционную практику требует системности и профессиональной подготовки специалистов. Опыт российских логопедических центров 2023-2025 годов показывает: наибольшую эффективность демонстрируют программы, сочетающие традиционные логопедические приёмы с нейропсихологическими техниками в игровой форме.

Структура коррекционного занятия с использованием игрового нейроподхода существенно отличается от традиционной. Оно включает обязательные блоки:

- нейропсихологическую разминку (дыхательные упражнения, элементы нейрогимнастики, упражнения на развитие межполушарного взаимодействия);
- игры на активизацию базовых психических функций (внимание, память, пространственные представления);
- игровые задания непосредственно на формирование читательских навыков;
- рефлексивный этап с обсуждением достижений.

Важнейший принцип — индивидуализация. Дети с ОНР представляют неоднородную группу: у одних преобладают нарушения звукопроизношения, у других — проблемы грамматического строя речи, у третьих — недостаточность лексики. Соответственно, и дефицитарность предпосылок чтения может быть критически важным аспектом — вовлечение родителей в коррекционный процесс. Игровые нейротехнологии хороши тем, что многие из них доступны для

домашнего использования. Однако родителям необходимо объяснить суть подхода, научить правильно организовывать игровое пространство, дозировать нагрузку.

Есть и определённые риски. Главный из них — подмена коррекционной работы развлечением. Игра должна оставаться средством, инструментом достижения коррекционных целей, а не самоцелью. Необходим постоянный мониторинг динамики развития, корректировка программы на основе объективных показателей.

Перспективным направлением является создание междисциплинарных команд специалистов: логопеда, нейропсихолога, педагога-дефектолога, специалиста по адаптивной физической культуре. Такой комплексный подход, реализуемый в некоторых российских коррекционных центрах, показывает превосходные результаты.

Нельзя не упомянуть о цифровизации игровых нейротехнологий. Появляются специализированные приложения и программы для планшетов, содержащие адаптивные нейроигры. С одной стороны, это расширяет возможности коррекционной работы. С другой — важно помнить о необходимости ограничения экранного времени для детей дошкольного возраста и баланса между цифровыми и традиционными игровыми форматами.

Важно подчеркнуть: игровой нейроподход — не замена традиционной логопедии. Это её развитие, обогащение, адаптация к современным представлениям о мозговой организации речевой деятельности и к изменившимся условиям развития детей.

Игровой нейроподход в формировании навыка смыслового чтения у детей с общим недоразвитием речи представляет собой перспективное направление современной коррекционной педагогики, органично сочетающее достижения нейронауки, психологии и логопедии.

Список литературы

1. Ахутина Т. В., Пылаева Н. М. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход. Санкт-Петербург: Питер, 2023. 288 с.

2. Визель Т. Г. Основы нейропсихологии: учебник для студентов вузов. Москва: АСТ, 2023. 544 с.
3. Глухов В. П. Формирование связной речи детей дошкольного возраста с общим речевым недоразвитием. Москва: АРКТИ, 2024. 168 с.
4. Корнев А. Н., Ишимова О. А. Методика диагностики дислексии у детей: методическое пособие. Санкт-Петербург: Издательство Политехнического университета, 2023. 72 с.
5. Левченко И. Ю., Дубровина Т. И. Игровые нейротехнологии в коррекции речевых нарушений у детей дошкольного возраста / Специальное образование. 2024. № 2 (74). С. 78-92. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=63547821> (дата обращения: 15.01.2025).
6. Семенович А.В. Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. Метод замещающего онтогенеза. Москва: Генезис, 2023. 474 с.
7. Шипицына Л. М., Волкова Л. С. Игровая деятельность в системе коррекционно-развивающего обучения детей с нарушениями речи / Коррекционная педагогика: теория и практика. 2024. № 3 (101). С. 45-58. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=64228193> (дата обращения: 15.01.2025).

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИНГВИСТИКА

УДК 81

DECEPTIVE COGNATES: POTENTIAL FOR MISTRANSLATION TO ESCALATE INTO INTERNATIONAL DISPUTES

Гатауллина Суфия Альфредовна

студент

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»,
город Москва

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме «ложных друзей переводчика» в сфере международных отношений. Лексические единицы, обладающие внешним сходством в разных языках, но различающиеся по смыслу, могут приводить к серьезным искажениям в правовой коммуникации.*

This article examines the phenomenon of deceptive cognates in legal translation and their potential to escalate into international disputes.

***Ключевые слова:** ложные друзья переводчика, дезориентирующие когнаты, юридический перевод, международные споры*

***Keywords:** false cognates, deceptive cognates, legal translation, international disputes*

Introduction

Legal translation exists at the convergence point between linguistics and law, where accuracy is not merely a stylistic preference but an essential necessity. In this field, lexical items that seem alike in different languages but carry divergent meanings present specific hazards for international legal communication. As globalization intensifies cross-border legal interactions, the potential for such linguistic traps that lead to misinterpretations may evolve into official conflicts. This article investigates the occurrence of false cognates in legal language and assesses their capacity to contribute

international legal disputes.

1. DECEPTIVE COGNATES IN INTERNATIONAL LEGAL PRACTICE

False friends (*faux amis*), are pairs of words in two distinct languages that exhibit deceptive similarity in form or sound whilst possessing divergent meanings (HI-COM, 2025). In legal contexts, this issue gains increased importance due to the fact that legal vocabulary is essentially tied to specific legal systems, all characterized by distinctive historical backgrounds, procedural rules. Stern (2021) observes that although cognates may function effectively in technical domains such as medicine or science, in legal contexts, direct methods of interpretation often result in meaning inconsistencies between original and translated languages.

Stern's (2021) analysis of ICTY proceedings reveals that even apparently straightforward terms resist simple translation. The English term "allegation," when rendered into French as *allégation*, acquires negative connotations absent from the original, implying untruthfulness rather than merely unproven assertion. Similarly, translating "appeal" as *appel* misrepresents its meaning because the common-law notion of appeal - focused on reviewing errors in lower courts' rulings - is substantially different from how it is understood within civil law systems.

The UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG) offers another significant case. In *Delchi Carrier SpA v Rotorex Corp.*, a US court interpreted Article 74 CISG regarding foreseeability of damages by reference to the familiar English case *Hadley v Baxendale* (University of Bristol Law School Blog, 2023). This method, instead of exploring the independent significance of the Convention, threatened to incorporate common law interpretations into an agreement intended to rise above distinct national legal frameworks.

2. FROM MISTRANSLATION TO INTERNATIONAL DISPUTE

The progression from linguistic mistranslation to international disagreements follows some patterns. When legal instruments are interpreted through domestic legal categories, parties may develop fundamentally different understandings of their obligations. These discrepancies remain hidden until performance is demanded, at this point conflicting interpretations emerge. The biggest controversies arise in the

interpretation of treaties when member states use different versions of official languages. The Vienna Convention on the Law of Treaties (VCLT) provides interpretive guidelines to address this. When there is a difference of meaning that cannot be resolved through ordinary interpretive rules, Article 33(4) directs adoption of the meaning which best reconciles the texts considering the treaty's object and purpose. This framework does not prevent conflicts but operates after they have already occurred.

The International Court of Justice in the *LaGrand Case (Germany v United States, 2001)* considered whether Article 36(1)(b) of the Vienna Convention on Consular Relations created individual rights. The English text referred to informing detained persons «of his rights, » while the French used «de ses droits. » Germany argued for individual rights, while the United States contended only state-to-state obligations existed. The ICJ's analysis required reconciling both texts, ultimately concluding individual rights were created.

The European Court of Human Rights has repeatedly addressed linguistic divergences in its authentic English and French texts. In *Brogan and Others v United Kingdom (1988)*, the Court considered whether «promptly» (English) and «aussitôt» (French) in Article 5(3) imposed identical temporal requirements for bringing detained persons before a judge. In international arbitration, mistranslation affects evidentiary processes. Under IBA Rules Article 3.12(e), translated documents become part of fact-finding, and opposing parties may challenge translation accuracy (Aceris Law, 2022). Tribunals may order sworn translations, appoint specific translators, or draw adverse inferences from erroneous translations.

In *Waste Management Inc v United Mexican States (2004)*, linguistic divergences in Spanish and English documentation affected interpretation of waiver provisions. NAFTA's authentic texts in English, French, and Spanish have generated interpretive questions requiring tribunals to harmonise meanings across languages.

Bilateral Investment Treaties frequently contain provisions on expropriation that require careful translation, as common law "expropriation" differs from civil law expropriation. When investors bring claims, tribunals must determine which linguistic version controls. Parties negotiate assuming a common understanding, but when

obligations are tested, latent ambiguities manifest. One party interprets terms according to domestic legal understanding while the other relies on meanings suggested by apparent cognates. Good faith resolution may fail due to the parties' conviction that their interpretation is linguistically obvious. What begins as linguistic divergence transforms into legal dispute requiring third-party resolution. The VCLT provides resolution mechanisms but cannot prevent initial divergence, underscoring the importance of preventive drafting measures.

3. MITIGATION STRATEGIES AND RECOMMENDATIONS

International legal institutions have developed strategies to address deceptive cognates. At the ICTY, interpreters and translators employed multiple techniques to overcome lexical lacunae, including verbosity—using original terms in italics with bracketed explanations, reliance on Latin terminology, and footnotes to convey meaning precisely (Stern, 2021). Tribunal lawyers fluent in French have expressed concerns about the emergence of «une langue hybride» - a mixed language that, although understandable to experts, may be unclear to witnesses and participants with civil law experience.

In international arbitration, institutional rules provide frameworks for managing translation. The UNCITRAL Arbitration Rules empower tribunals to order translations of documents (Article 19.2). If the quality of a translation is disputed, tribunals may order certified translations from authorized translators, appoint specific translators, or make adverse inferences based on clearly erroneous translations (Aceris Law, 2022). National courts hearing enforcement proceedings generally require official translations certified by the transferring State, the enforcing State, or by sworn translators of any jurisdiction.

Systematic approaches to preventing cognate-induced disputes include developing autonomous international legal vocabularies with defined meanings independent of domestic systems, providing multilingual glossaries for international instruments, and training legal translators and interpreters in comparative law alongside linguistic skills. The UNCITRAL model laws demonstrate how carefully defined terminology can transcend national legal categories (United Nations, 2022). When such legal documents

are supplemented with multilingual explanatory notes, the likelihood of deceptive cognates causing misinterpretations is reduced.

Despite these strategies, complete elimination of deceptive cognate risks remains elusive. Legal concepts resist perfect transplantation because they are embedded in unique institutional histories. The translator's task is not to achieve impossible equivalence but to manage the gap between systems through informed comparison and transparent explanation.

References

1. Aceris Law. (2022). Translations in international arbitration. Aceris Law LLC. <https://www.acerislaw.com/translations-in-international-arbitration/>
2. Dullion, V. (2015). Droit comparé pour traducteurs: de la théorie à la didactique de la traduction juridique. *International Journal for the Semiotics of Law*, 28(1), 91-106. doi:10.1007/s11196-014-9360-2
3. Gotti, M. (2014). Adopting and adapting an international model law in a multilingual and multicultural context. *Semiotica*, 201(1), 1-18.
4. HI-COM. (2025). False friends in translation. HI-COM Asia. <https://translate.hicom-asia.com/area/false-friends-in-translation/>
5. Palma, J. (2014). False friends. NAJIT. <https://najit.org/false-friends-2/>
6. Stern, L. (2021). Interpreting legal language at the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia: Overcoming the lack of lexical equivalents. *The Journal of Specialised Translation*, (36), 45-68. doi:10.26034/cm.jostrans.2004.809

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.334.23:004.7

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАДИКАЛЬНОЙ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ

Гусева Анна Владиславна

кандидат социологических, доцент

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»,

г. Москва

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме трансформации организационной идентичности в процессе радикальной реструктуризации компании. На основе теоретического анализа концепций организационной идентичности (А. Алберт, Д. Уоттен, С. Хаслам, Дж. Даккит) и моделей управления изменениями (У. Бридж, К. Левин) рассматриваются механизмы разрушения старой и конструирования новой идентичности сотрудников. Особое внимание уделяется феномену «нейтральной зоны» как периоду максимальной уязвимости идентификационных структур.*

The article is devoted to the problem of organizational identity transformation in the process of radical company restructuring. Based on a theoretical analysis of organizational identity concepts (A. Albert, D. Whetten, S. Haslam, J. Duckett) and change management models (W. Bridges, K. Lewin), the mechanisms of destroying the old identity and constructing a new identity of employees are examined. Special attention is paid to the phenomenon of the «neutral zone» as a period of maximum vulnerability of identification structures.

Ключевые слова: организационная идентичность, реструктуризация, управление изменениями, нейтральная зона, сопротивление, корпоративная культура, стейкхолдеры

Keywords: *organizational identity, restructuring, change management, neutral zone, resistance, corporate culture, stakeholders*

Традиционный менеджмент фокусируется на «жестких» элементах преобразований: изменении организационной структуры, оптимизации бизнес-процессов, сокращении издержек. Однако статистика свидетельствует, что до 70% проектов крупномасштабных изменений не достигают поставленных целей именно по причине недооценки человеческого фактора [1].

В центре этого человеческого фактора находится феномен организационной идентичности — представления сотрудников о том, «кто мы есть как организация», каковы наши ценности, принципы и отличительные особенности. Радикальная реструктуризация неизбежно разрушает привычные ответы на эти вопросы, порождая кризис идентичности, который проявляется в росте сопротивления, снижении вовлеченности и уходе ключевых сотрудников.

В социологическом и управленческом дискурсе организационная идентичность понимается как разделяемые членами организации представления о ее центральных, устойчивых и отличительных характеристиках [2]. Это не просто корпоративная культура в узком смысле, а глубинный когнитивно-аффективный конструкт, отвечающий на вопросы: «В чем уникальность нашей компании?», «Каковы наши непреходящие принципы?», «Что значит быть частью этой организации?».

Важно различать три уровня идентичности:

– *Индивидуальная идентичность* — самоопределение сотрудника через призму членства в организации («я — сотрудник банка»);

– *Социальная (групповая) идентичность* — отождествление с конкретным подразделением, командой, профессиональной группой («мы — IT-департамент»);

– *Организационная идентичность* — отождествление с организацией как целым («мы — «Будущее»»).

В условиях стабильного функционирования эти уровни находятся в относительной гармонии. Радикальная реструктуризация нарушает эту гармонию,

причем наиболее болезненно — на уровне социальной идентичности, поскольку изменения затрагивают привычные структуры профессиональных сообществ, статусные иерархии и неформальные сети.

С точки зрения социальной идентичности (А. Тэшфел, Дж. Тернер) сотрудники стремятся поддерживать позитивный образ группы, к которой принадлежат. Когда реструктуризация объявляет эту группу «неэффективной» или подлежащей ликвидации, возникает угроза самооценке, что запускает защитные механизмы — от обесценивания изменений до открытого сопротивления [3].

Классическая модель К. Левина («размораживание — движение — замораживание») описывает изменения на уровне поведения, но недостаточно учитывает психологические процессы идентичности. Более адекватным инструментом является модель Уильяма Бриджеса [4], который различает *изменение* (внешнее, структурное) и *переход* (внутренний, психологический). Переход состоит из трех фаз:

Фаза 1: Окончание, потеря, отпускание. На этой фазе сотрудники переживают утрату привычной идентичности. Руководитель розничного блока с 30-летним стажем теряет не просто должность, но и смысл своей профессиональной биографии. Организационная идентичность на этом этапе характеризуется:

- отрицанием («это несерьезно, все образуется»);
- гневом («как они посмели обесценить наш опыт»);
- тревогой и неопределенностью.

Важно, что сопротивление на этой фазе направлено не против будущего (которое еще неизвестно), а против необходимости отпустить прошлое. Управленческая ошибка — игнорирование ритуалов прощания и попытки «не оглядываться назад».

Фаза 2: Нейтральная зона. Это наиболее опасный и одновременно наиболее креативный период. Старая идентичность уже разрушена (отдел расформирован, функциональные роли упразднены), а новая еще не сформирована (продуктовая команда не заработала, новые KPI не освоены). Сотрудники находятся в состоянии идентификационного вакуума.

Эмпирические наблюдения показывают, что именно в нейтральной зоне происходят:

- рост слухов и неформальных негативных нарративов;
- уход наиболее востребованных специалистов (как «Сергей» из кейса);
- паралич принятия решений из-за размытости ответственности;
- феномен «имитации активности» — сотрудники демонстрируют формальную занятость, избегая реальных действий.

Длительность нейтральной зоны критична: если она затягивается, новая идентичность не формируется, организация впадает в состояние хронической аномии.

Фаза 3: Новое начало. Эта фаза наступает, когда сотрудники начинают идентифицировать себя с новыми структурами, ролями и смыслами. Ключевой фактор — появление *истории нового начала*: ясного ответа на вопрос «кто мы теперь?». Новая идентичность должна быть не просто декларирована, но подкреплена символическими актами, ритуалами и быстрыми победами (quick wins).

На основе синтеза теории социальной идентичности и эмпирических исследований организационных изменений можно выделить типологию стратегий поведения сотрудников в условиях угрозы организационной идентичности:

Стратегия	Сущность	Проявления	Риски для организации
Выход (Exit)	Физический уход из организации	Увольнение, переход к конкуренту	Потеря знаний, неконтролируемый отток лучших
Голос (Voice)	Активная попытка повлиять на изменения	Участие в рабочих группах, конструктивная критика	Может быть ресурсом, если канализирован
Преданность (Loyalty)	Пассивное принятие, ожидание	Формальное исполнение обязанностей, избегание инициативы	Иллюзия стабильности при падении эффективности
Пренебрежение (Neglect)	Саботаж, демомотивация	«Итальянская забастовка», распространение слухов, скрытое сопротивление	Токсичная среда, дезорганизация

Особый интерес представляет *латентное сопротивление* — формы поведения, внешне не нарушающие дисциплину, но подрывающие изменения. Это может быть:

- «утечка знаний» (ключевые эксперты перестают делиться опытом);
- буквализм (исполнение инструкций с намеренным доведением до абсурда);
- коалиционное поведение (неформальное объединение противников изменений).

Диагностика этих стратегий требует применения социологических методов: включенного наблюдения, анализа неформальных коммуникаций, социометрических опросов.

Если структурные изменения проектируются через оргсхемы и должностные инструкции, то трансформация идентичности происходит через *нарративы* — истории, которые сотрудники рассказывают о себе, своей организации и происходящих переменах. Управление изменениями в идентификационном аспекте есть, по сути, борьба нарративов: нарратива прошлого («мы были отличной командой профессионалов»), нарратива страха («нас уничтожают цифровые технологии») и нарратива будущего («мы создаем новую экосистему»).

В отличие от традиционного подхода, где коммуникация сводится к информированию о структурных изменениях, нарративный подход требует:

1. Признания ценности прошлого. Нельзя строить новую идентичность на отрицании старой. Необходимо публичное признание заслуг, ритуалы прощания, символическое «погребение» старого с сохранением памяти о достижениях.

2. Создания прототипов будущего. Новая идентичность должна быть воплощена в конкретных людях — «агентах изменений», чей пример показывает, что успешная идентичность в новых условиях возможна.

3. Включения сотрудников в сотворчество. Идентичность не может быть спущена «сверху» как приказ. Необходимы форматы (стратегические сессии, фокус-группы, краудсорсинг), в которых сотрудники становятся соавторами новой идентичности.

На основе теоретического анализа и обобщения практики успешных проектов реструктуризации [6] можно сформулировать следующие рекомендации:

На этапе окончания:

- провести ритуалы прощания с прежними структурами (торжественные мероприятия, создание «исторических» страниц в корпоративной энциклопедии);

- обеспечить психологическую поддержку для сотрудников, чья идентичность наиболее сильно привязана к упраздняемым структурам (чаще всего это топ-менеджеры старшего поколения);

- четко и недвусмысленно сообщить, что «возврата к прошлому не будет», чтобы блокировать иллюзии, затягивающие этап отрицания.

В нейтральной зоне:

- установить «временные мосты» — краткосрочные роли и задачи, дающие ощущение определенности;

- создать форумы для открытого обсуждения тревог и неопределенности (town hall meetings, анонимные опросы);

- внедрить систему быстрых побед (quick wins), демонстрирующих, что новая идентичность приносит результаты;

- использовать социометрический мониторинг для выявления узлов латентного сопротивления.

На этапе нового начала:

- провести символическую церемонию запуска новой идентичности (ребрендинг, запуск нового корпоративного портала, первое стратегическое собрание в новом формате);

- обеспечить ротацию «героев изменений» — публичное признание успехов первых последователей;

- закрепить новую идентичность в формальных артефактах: KPI, система грейдов, корпоративные мероприятия.

Проведенный теоретический анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Радикальная реструктуризация неизбежно порождает кризис организационной идентичности, поскольку разрушает привычные для сотрудников

ответы на вопросы о центральных, устойчивых и отличительных характеристиках организации. Наиболее уязвимым является уровень социальной (групповой) идентичности.

2. Динамика идентификационных процессов может быть адекватно описана в рамках модели переходов У. Бриджа. Ключевым вызовом является «нейтральная зона» — период между разрушением старой и формированием новой идентичности, характеризующийся ростом тревожности, неопределенности и рисками латентного сопротивления.

3. Сотрудники реализуют различные стратегии совладания с идентификационным кризисом: выход, голос, преданность, пренебрежение. Задача управления изменениями — трансформировать стратегии «пренебрежения» и «выхода» в конструктивный «голос», а также минимизировать длительность нейтральной зоны.

4. Ключевым инструментом управления трансформацией идентичности выступает коммуникационный нарратив, выстраивающий «мост» между ценным прошлым и желаемым будущим. Формула «Мы остаемся верны себе, но меняем форму, и ты — часть этого» позволяет снизить сопротивление и обеспечить вовлеченность.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на эмпирическую верификацию предложенной типологии стратегий, а также на разработку инструментария диагностики идентификационных процессов в режиме реального времени (HR-аналитика, анализ корпоративных коммуникаций).

Список литературы

1. Коттер, Д. П. Впереди перемен: перевод с английского / Д. П. Коттер. ... — Москва: Альпина Паблишер, 2015.
2. Albert S., Whetten D.A. Organizational Identity, In: B.M. Staw and L.L. Cummings, Eds., Research in Organizational Behavior, JAI Press, Greenwich, 1985, pp. 263-295.

3. Turner J.C. Towards a cognitive redefinition of the social group / Social Identity and Intergroup Relations / Н. Tajfel (Ed.). Cambridge, UK: Cambridge University Press and Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1982 P. 15–40.

4. Трансформация себя. Осмысление изменений в жизни. У. Бриджес, С. Бриджес. ООО «Альпина Паблишер, 2022.

5. Камерон Э., Грин М. Управление изменениями. - М.: Добрая книга, 2006 - 360 с.

6. Адизес И. К. Управляя изменениями: как эффективно управлять изменениями в обществе, бизнесе и личной жизни. Пер. с англ. В. Кузина. – М: Манн и др., 2017 – 368 с.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 339.543

О КИНОЛОГИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ В ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНАХ

Исаева Елизавета Сергеевна

студентка 5 курса,

специальность 38.05.02 «Таможенное дело»

Научный руководитель: Качурова Елена Владимировна,

к.с.н., старший преподаватель

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный

исследовательский университет»

***Аннотация.** В статье рассматриваются теоретические основы кинологической службы в таможенных органах, подчеркивается важность кинологических расчетов, играющих ключевую роль в обеспечении безопасности на таможенных границах. Приводятся данные по обучению служебных собак в кинологических центрах ФТС России.*

***Abstract.** This article examines the theoretical foundations of the canine service in customs authorities, emphasizing the importance of canine teams, which play a key role in ensuring security at customs borders. Data on the training of service dogs at the canine centers of the Federal Customs Service of Russia are provided.*

***Ключевые слова:** таможенные органы, кинолог, кинологическая служба, контрабанда, служебные собаки*

***Keywords:** customs authorities, canine handler, canine service, smuggling, service dogs*

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов, подчеркивающих важность и необходимость данного направления в современных условиях. В условиях глобальной цифровизации экономики и внедрения искусственного

интеллекта, по-прежнему остается актуальной проблема борьбы с контрабандой товаров, незаконным оборотом наркотических средств, оружия, боеприпасов, которые представляют угрозу национальной безопасности стран, окружающей среде и здоровью граждан. Важным звеном в борьбе таможенных органов с этой противоправной деятельностью является работа кинологических служб [2].

В научном дискурсе имеется ряд исследований, которые посвящены вопросам работы кинологических служб: В. В. Жалдыбин, М. Г. Капуцкий, У. С. Евтюхова, А. И. Гранатырь, А. С. Буряков, А. А. Баслык [1; 5]. Отмечается, что различные формы таможенного контроля, а также специально оборудованные приборы не всегда являются эффективным способом для выявления незаконного перемещения чего-либо, для этого необходимы особые навыки. Исходя из этого, в современных реалиях увеличивается роль, а также потребность в использовании уникального «инструмента» - специально обученных служебных собак [4].

Как подчеркивает Черкавский А.В., руководитель Центральной Таможни (Кинологический Центр ФТС России) - «Таможенные органы Российской Федерации в своем арсенале имеют уникальный инструментарий - служебных собак (верных, неподкупных), специально обученных для пресечения и предотвращения незаконного перемещения через границу запрещенных средств, товаров и предметов, обладающих индивидуальным запахом, который, несомненно, необходимо шире использовать в деятельности ФТС России» [6].

Деятельность кинологических центров в таможне РФ направлена на обеспечение национальной безопасности, поиск запрещенных веществ и товаров с помощью служебных собак. В соответствии с приказом ФТС от 03.06.2008 № 687 «О создании Кинологической службы ФТС России» регионом деятельности Центральной таможни (Кинологического центра ФТС России) является территория Российской Федерации [6].

Число кинологических подразделений в структуре таможенных органов РФ постоянно меняется в ходе оптимизации, но кинологические группы/отделы функционируют в большинстве региональных таможенных управлений и

крупных таможенных, обеспечивая контроль в пунктах пропуска. Они входят в структуру отделов кинологического обеспечения. Кинологическая служба осуществляет подготовку должностных лиц, осуществляющих таможенный контроль с применением служебных собак, а также использование служебных собак для предотвращения и пресечения контрабанды наркотических средств, взрывчатых веществ, оружия, боеприпасов и других товаров, обладающих индивидуальным запахом и незаконно перемещаемых через таможенную границу. Объектом деятельности Кинологической службы является территория Российской Федерации [6].

Деятельность кинологических подразделений в РФ достаточно эффективна. Так, в 2025 году по результатам участия специалистов-кинологов в проведении таможенного контроля и оперативно-розыскных мероприятий подтверждено 5420 фактов выявления незаконного перемещения запрещенных веществ и товаров. Из них 33 случая попытки провоза наркотических средств (606 кг.). По данным Дальневосточной таможни, с применением служебных собак обнаружено около 16 килограммов наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, 932 единицы боеприпасов, 75700 долларов США и 305000 рублей [6].

В Центральной таможне (Кинологическом центре ФТС России) осуществляется работа по организации и проведению обучения специалистов-кинологов и служебных собак для кинологических подразделений таможенных органов Российской Федерации. Кроме того, на базе Центральной таможни (Кинологического центра ФТС России) организовано изучение, обобщение и внедрение в служебную деятельность кинологических подразделений таможенных органов Российской Федерации передового отечественного и зарубежного опыта обучения служебных собак. Так, на базе Центральной таможни и Региональных Кинологических центров ФТС России подготовлено 177 служебных собак, что на 71 больше, чем в 2024 году (табл. 1) [6].

Большое внимание уделяется и обучению специалистов-кинологов. За 2025 год по программам дополнительного профессионального образования в

Российской таможенной академии и ее филиалах прошли обучение 202 должностных лица кинологических подразделений.

Таблица 1 - Итоги обучения служебных собак в кинологических центрах ФТС России за 2025 год

специализация	всего	Центральная таможня (КЦ ФТС России)	Региональный кинологический центр ЮТУ (г. Майкоп)	Региональный кинологический центр ПТУ (г. Кинель)	ИПД РТА на базе таможни Дальневосточного региона
Наркотические средства	116	46	31	26	13
Денежные знаки	22	7	9	5	1
Взрывчатые вещества	19	10	8	1	-
Табак и табачные изделия	12	3	9	-	-
CITIES	8	1	-	-	7
Итого	177	67	57	32	21

Таким образом, в рамках создания и совершенствования Центральной таможни, с развитием профессионального мастерства кинологов, формируется современная система подготовки служебных собак в таможенной службе РФ. Это способствует увеличению выявления незаконного перемещения товаров, наркотических веществ, взрывчатых средств, оружия, боеприпасов через таможенную границу. Центральная таможня обеспечивает высокую эффективность работы Федеральной таможенной службы благодаря уникальной подготовке квалифицированных кинологов и служебных собак. Созданный центр играет ключевую роль в обеспечении безопасности, являясь уникальным в Европе учреждением по обучению специалистов данного профиля [7].

Список литературы

1. Баслык А. А. Особенности применения служебных собак на таможне / А. А. Баслык / StudArctic Forum. – 2022. – Т. 7, № 4. – С. 3-7.
2. Вербов В. Ф. О совершенствовании профессиональной компетентности специалистов-кинологов таможенных органов Российской Федерации / В. Ф. Вербов, А. Ю. Рожкова / Развитие таможенного дела Российской Федерации: дальневосточный вектор. – 2021. – №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o->

sovershenstvovanii-professionalnoy-kompetentnosti-spetsialistov-kinologov-tamozhennyh-organov-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 25.03.2026).

3. Евтюхова У. С. Совершенствование организации кинологической службы ФТС России / У. С. Евтюхова, А. И. Гранатырь, А. С. Буряков / Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 91-5. – С. 55.

4. Евтюхова У. С. Совершенствование организации кинологической службы ФТС России / У. С. Евтюхова, А. И. Гранатырь, А. С. Буряков / Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 91-5. – С. 54-57.

5. Жалдыбин В. В. Кинологический центр органов пограничной службы: достижения и перспективы развития / В. В. Жалдыбин, М. Г. Капуцкий / Экология и животный мир. – 2021. – № 1. – С. 29-33.

6. Центральная таможня (Кинологический центр ФТС России) [Электронный ресурс]: [официальный сайт] / URL: <https://kinolog.customs.gov.ru/folder/160013>

7. Марченко В. В. Практические аспекты деятельности кинологической службы таможенных органов Российской Федерации / В. В. Марченко, Д. Л. Хулхачиева, Л. Н. Дёмина / Актуальные проблемы развития ЕАЭС в условиях современных глобальных изменений : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 21 дек. 2023 г. / под науч. ред. И. В. Цвигун, А.В. Шалака. – Иркутск: Изд. дом БГУ, 2024. - 182 с.

УДК 336

**БЮДЖЕТНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ****Коваленко Евгений Андреевич**
аспирант**Научный руководитель: Воронкова Елена Константиновна,**

к.э.н., доцент

ФГБОУ ВО «Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова», город Москва

Аннотация. В статье рассматривается бюджетная эффективность государственных программ цифровизации образования в контексте роста публичных расходов на развитие цифровой образовательной среды и усложнения механизмов программного управления. Обосновывается, что оценка эффективности таких программ не может сводиться исключительно к степени освоения бюджетных средств и выполнению формальных целевых индикаторов, поскольку цифровизация образования предполагает более сложный комплекс инфраструктурных, организационных и социально-экономических результатов. Особое внимание уделяется соотношению бюджетных затрат и достигнутых эффектов, роли национальных и федеральных проектов в цифровой трансформации образовательной сферы, а также ограничениям существующих подходов к оценке результативности.

The article examines the budgetary efficiency of state programs for the digitalization of education in the context of the growth of public expenditures on the development of the digital educational environment and the complication of program management mechanisms. It is argued that the assessment of the effectiveness of such programs cannot be limited solely to the degree of budget appropriation and the fulfillment of formal target indicators, since the digitalization of education implies a more complex set of infrastructural, organizational, and socio-economic results. Particular attention is paid to the ratio of budget expenditures to achieved effects, the role of national and

federal projects in the digital transformation of the educational sphere, as well as the limitations of existing approaches to evaluating performance.

Ключевые слова: бюджетная эффективность, государственные программы, цифровизация образования, цифровая образовательная среда, национальные проекты, федеральные проекты, бюджетные расходы, результативность, государственное управление, образование

Keywords: budget efficiency, government programs, digitalization of education, digital educational environment, national projects, federal projects, budget expenditures, effectiveness, public administration, education

Вопрос о бюджетной эффективности государственных программ цифровизации образования в последние годы приобрел особую значимость. Это связано не только с ростом публичных расходов на формирование цифровой образовательной среды, но и с тем, что сама цифровизация образования все менее воспринимается как локальное технологическое обновление. Она становится частью более широкой государственной стратегии, затрагивающей инфраструктуру, управление, содержание обучения и механизмы воспроизводства человеческого капитала. В этих условиях оценка эффективности программного финансирования не может ограничиваться констатацией факта освоения бюджетных средств. Напротив, возникает необходимость соотнести бюджетные затраты с реальными институциональными, образовательными и социально-экономическими результатами, что и делает тему бюджетной эффективности принципиально значимой для научного анализа.

Теоретически бюджетную эффективность в данном случае целесообразно рассматривать как степень соответствия между объемом и структурой государственных расходов, с одной стороны, и достигнутыми результатами цифровой трансформации образовательной сферы — с другой. Однако применительно к образованию такая оценка изначально осложнена. Образовательные результаты, особенно в цифровой среде, проявляются не мгновенно и далеко не всегда поддаются прямому количественному измерению. Р. А. Антонова, анализируя реализацию государственных программ в сфере образования, науки и технологий,

показывает, что само по себе наличие программных показателей еще не гарантирует корректной оценки их эффективности, поскольку между запланированными индикаторами и фактическими изменениями часто сохраняется содержательный разрыв [1].

Следовательно, бюджетная эффективность в сфере цифровизации образования должна пониматься не формально, а как более сложная категория, включающая качественную интерпретацию достигнутых результатов.

Дополнительную сложность создает сама природа цифровизации образования как объекта бюджетного финансирования. В отличие от традиционных направлений расходов здесь результаты могут носить инфраструктурный, организационный, управленческий и поведенческий характер одновременно. Закупка оборудования, внедрение платформ, развитие цифровых сервисов и обновление управленческих процедур — все это может быть профинансировано в рамках одной программы, но давать разные по качеству и длительности эффекты. А. Ж. Бесланеев, рассматривая цифровые технологии в управлении образованием, подчеркивает, что цифровизация отрасли включает целый комплекс разноуровневых преобразований, а потому оценка ее эффективности должна учитывать не только техническую модернизацию, но и то, насколько эти изменения действительно улучшают управление и образовательный процесс [2].

Иначе говоря, бюджетная эффективность здесь зависит не только от объема вложений, но и от способности государства превратить технологические расходы в системные изменения.

Одним из основных направлений оценки бюджетной эффективности выступает соотношение затрат и достигнутых результатов. В программной логике государство обычно исходит из того, что выделенные бюджетные средства должны быть сопряжены с набором конкретных индикаторов: количеством подключенных организаций, уровнем оснащенности, числом внедренных цифровых решений, охватом обучающихся и педагогов цифровой средой. Однако сам по себе рост таких показателей не всегда означает повышение эффективности.

В применении к цифровизации образования это означает, что можно

формально отчитаться о выполнении мероприятий, но не получить сопоставимого эффекта с точки зрения качества образовательной среды.

Особую роль в анализе бюджетной эффективности играют национальные и федеральные проекты, поскольку именно через них в последние годы во многом выстраивается финансирование цифровой трансформации. О. А. Полянина показывает, что национальные и федеральные проекты стали не просто дополнительным инструментом программного управления, а механизмом структурной оптимизации государственных программ в сфере науки и высшего образования [3].

Перенос акцента на проектную логику усилил ориентацию на конкретные задачи, сроки и показатели. Вместе с тем такая логика имеет двойственный эффект: с одной стороны, она делает бюджетное управление более целенаправленным, а с другой — усиливает риск чрезмерной концентрации на измеряемых результатах в ущерб долгосрочным качественным эффектам. Поэтому бюджетная эффективность в проектной модели должна оцениваться не только по степени достижения паспортных показателей, но и по тому, насколько проектные вложения встроены в устойчивую траекторию развития образовательной системы.

Г. М. Севумян, анализируя реализацию основных трендов управления образованием в государственных программах и проектах Российской Федерации, показывает, что сама управленческая логика цифровизации становится частью программной архитектуры современного образования [4]. Это важно для оценки бюджетной эффективности, потому что цифровизация выступает не отдельным расходным направлением, а способом перестройки всей системы управления. Следовательно, если цифровые решения финансируются, но не становятся устойчивым инструментом управленческой координации, то и бюджетная отдача от них оказывается ограниченной. И наоборот, когда цифровая трансформация встраивается в институциональную ткань образовательной политики, даже относительно ограниченные расходы могут давать более высокий системный эффект. Тем самым эффективность расходов зависит не только от суммы финансирования, но и от глубины управленческой интеграции цифровых

инструментов.

Существенной проблемой остается ограниченность существующих подходов к оценке эффективности. Во многих случаях государственные программы цифровизации образования опираются на количественные показатели, которые легче всего учитывать административно: количество техники, доля подключенных организаций, объем охваченной аудитории. Такие показатели важны, но они фиксируют прежде всего инфраструктурный уровень изменений. Между тем реальная эффективность цифровизации может проявляться в изменении качества управленческих решений, повышении доступности образования, росте гибкости образовательных траекторий и в более рациональном использовании ресурсов. В. П. Семенов, анализируя критерии оценки результативности и эффективности образовательного учреждения в условиях цифровой трансформации, обращает внимание на необходимость более сложной системы показателей, которая учитывала бы не только формальные параметры цифровизации, но и ее содержательные последствия для функционирования организации [5].

В логике государственных программ это означает, что бюджетная эффективность не может корректно измеряться исключительно через показатели освоения и оснащения.

Еще одна проблема связана с региональной неоднородностью реализации программ. Даже при формально единых федеральных целях и механизмах финансирования фактическая отдача от вложений может существенно различаться в зависимости от инфраструктурной базы региона, кадровой обеспеченности, управленческой компетентности и способности локальных систем образования встроить цифровые инструменты в повседневную практику.

Для системы оценки эффективности это означает необходимость учитывать не только общий объем затрат, но и контекст их применения, иначе реальная результативность программ будет искажаться усредненными показателями.

Особый интерес представляет вопрос о долгосрочном экономическом эффекте цифровизации образования. Непосредственные программные результаты могут быть достигнуты в относительно коротком горизонте, тогда как более

глубокая отдача проявляется позже — через качество подготовки кадров, повышение доступности обучения, рост производительности образовательных организаций и опосредованное влияние на экономический рост. Л. В. Хаджинов, предлагая методику оценки влияния цифровой трансформации образовательной среды на экономический рост, показывает, что цифровизация образования способна рассматриваться как фактор более широких экономических изменений, а значит, и эффективность бюджетных вложений в эту сферу должна оцениваться не только в отраслевом, но и в макроэкономическом измерении [6]. Это принципиально важно, поскольку без учета таких отложенных эффектов бюджетная эффективность неизбежно будет недооценена или сведена к краткосрочным административным параметрам. В результате государство рискует измерять то, что проще посчитать, а не то, что действительно имеет стратегическое значение.

Перспективы повышения бюджетной эффективности государственных программ цифровизации образования связаны прежде всего с совершенствованием самой системы оценки. Необходим переход от преобладающе формальной фиксации мероприятий и количественных индикаторов к более многослойной модели, в которой будут соотноситься инфраструктурные результаты, управленческие эффекты, образовательные изменения и долгосрочная социально-экономическая отдача. Полянина подчеркивает значение проектной логики как инструмента повышения управляемости государственных программ, однако ее потенциал раскрывается в полной мере только тогда, когда проектные показатели не замыкаются на отчетности, а включаются в стратегическое понимание целей развития отрасли.

Таким образом, бюджетная эффективность государственных программ цифровизации образования представляет собой сложную категорию, которая не сводится ни к факту освоения средств, ни к выполнению формальных индикаторов. Она определяется качеством связи между бюджетными затратами и реальными результатами цифровой трансформации образовательной среды, глубиной институциональных изменений, региональной вариативностью реализации и долгосрочными социально-экономическими эффектами. Современные подходы

к оценке таких программ уже содержат значительный аналитический потенциал, однако пока во многом сохраняют ориентацию на административно измеряемые параметры. В перспективе повышение бюджетной эффективности будет связано с более точной увязкой программного финансирования, проектного управления и стратегических целей развития образования. Именно в этой точке цифровизация образования может быть осмыслена не как совокупность технологических мероприятий, а как объект ответственной и результативной бюджетной политики.

Список литературы

1. Антонова Р. А. Оценка эффективности реализации государственных программ в сфере образования, науки и технологий / Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12. № 10.
2. Бесланеев А. Ж. Цифровые технологии в управлении образованием: основные проблемы цифровизации отрасли, перспективные проекты и наработки / Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. Т. 2. № 10(118). С. 44–49.
3. Полянина О. А. Роль национальных и федеральных проектов в оптимизации государственных программ в сфере науки и высшего образования / Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 6.
4. Севумян Г. М. Реализация основных трендов управления образованием в государственных программах и проектах Российской Федерации / Мир науки, культуры, образования. 2022. № 5(96). С. 174–177.
5. Семенов В. П. Критерии оценки результативности и эффективности высшего образовательного учреждения в условиях цифровой трансформации / Современные проблемы науки и образования. 2021. № 6.
6. Хаджинов Л. В. Методика оценки влияния цифровой трансформации образовательной среды на экономический рост / Экономика образования. 2023. № 4(137). С. 52–67.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 911.3

РЕДКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОФЕССИИ: СПЕЦИФИКА ТРУДА, ТРАНСФОРМАЦИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Жариков Алексей Дмитриевич

учащийся

МБОУ СОШ №1, г. Новочеркасск

Жарикова Анастасия Дмитриевна

учащаяся

МБОУ СОШ №1, г. Новочеркасск

Зильбербранд София Львовна

учащаяся

МБОУ СОШ №31 имени Г. А. Бердичевского, г. Новочеркасск

Кулаков Александр Александрович

учащийся

МБОУ СОШ Лицей №7, г. Новочеркасск

Научный руководитель: Малышева Ольга Андреевна,

учитель высшей квалификационной категории,

руководитель ГМО учителей географии г. Новочеркаска

МБОУ СОШ Лицей №7, г. Новочеркасск

***Аннотация.** В статье рассматривается феномен редких географических профессий – узкоспециализированных направлений деятельности, находящихся на стыке фундаментальной географии, смежных естественных и технических наук. Сделан вывод о необходимости трансформации системы высшего географического образования для сохранения уникальных компетенций.*

***Abstract.** The article deals with phenomenon of rare geographical professions –*

highly specialized areas of activity that are at the intersection of fundamental geography and related natural and technical sciences. The article concludes that it is necessary to transform the system of higher geographical education in order to preserve unique competencies.

Ключевые слова: редкие профессии, география, кадровый потенциал, палеогеография, медицинская география, профессиональное образование

Key words: rare professions, geography, human resources, paleogeography, medical geography, and vocational education

Современная география переживает этап методологической трансформации. Если еще в середине XX века профессия географа ассоциировалась преимущественно с полевыми исследованиями и картографированием «на местности», то сегодня спектр профессиональных траекторий расширился до междисциплинарных ниш. Однако наряду с востребованными специальностями (ГИС-аналитик, эколог-природопользователь) существует слой уникальных, или *редких*, географических профессий. Их редкость обусловлена не столько низкой общественной потребностью, сколько высокой спецификой знаний, отсутствием массовой образовательной траектории и, зачастую, экстремальными условиями труда.

По данным мониторинга трудоустройства выпускников географических факультетов классических университетов РФ (2020–2024 гг.), доля специалистов, работающих по узким профилям, не превышает 2–3% от общего выпуска, однако именно эти специалисты обеспечивают решение критически важных задач – от прогнозирования климатических изменений до обеспечения санитарно-эпидемиологической безопасности [1]. Цель данной работы – систематизировать знания о редких географических профессиях, выявить современные тенденции их трансформации и оценить перспективы кадрового воспроизводства.

Редкость профессии в географической сфере является следствием действия трех групп факторов. Во-первых, это естественно-научная сложность. Подготовка специалиста требует комбинации фундаментальных знаний (геология, геоморфология, климатология) с инструментальными навыками (геоинформатика, геофизика, геохимия). Во-вторых, организационно-экономический фактор:

работодатели (научные институты РАН, особо охраняемые природные территории, специализированные лаборатории) предлагают ограниченное количество ставок, что формирует высокую конкурсную среду. В-третьих, психологическая и физическая экстремальность: многие редкие профессии предполагают длительные экспедиционные работы в условиях Арктики, высокогорий или пустынь, что накладывает дополнительные требования к состоянию здоровья.

Одной из наиболее исчезающих, но критически важных специализаций является палеогеограф. Основная задача этих специалистов – реконструкция природной среды геологического прошлого. В эпоху активного обсуждения антропогенных изменений климата именно палеогеографы предоставляют «глубинный фон», позволяющий отделить естественные колебания от техногенного воздействия. Методологическая база включает спорово-пыльцевой анализ, изучение донных отложений и изотопную геохронологию. В России центром подготовки таких кадров традиционно выступают географический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и Институт географии РАН. Редкость профессии связана с длительным сроком «вхождения» (не менее 10 лет академической работы для обретения самостоятельности) и низкой коммерциализацией результатов труда [2].

Спелеология и гляциология представляют собой классические примеры «полевых» редких профессий. Однако современный спелеолог – это уже не только исследователь пещер, но и инженер-географ, обеспечивающий безопасность инфраструктуры в карстовых районах. Аналогично, гляциолог сегодня востребован не только в фундаментальной науке, но и в горнодобывающей промышленности, а также в секторе гидроэнергетики (прогноз ледовой обстановки).

Уникальность этих профессий заключается в необходимости владения технологиями высотной и подземной работы. По данным Международной ассоциации криосферных наук, дефицит квалифицированных полевых гляциологов в России составляет около 40% от потребности экспедиционных отрядов [3]. Основная причина – «демографическая яма»: поколение специалистов, сформированное в 1970–1980-х годах, выходит на пенсию, а система подготовки

сталкивается с трудностью передачи эмпирического опыта, который невозможно симулировать в аудитории.

Медицинская география – редкое направление, переживающее второе рождение в постковидный период. Специалисты этого профиля занимаются пространственным анализом распространения заболеваний (нозогеографией), оценкой влияния геохимической обстановки на заболеваемость населения, а также медико-географическим районированием.

Редкость профессии обусловлена необходимостью двойной компетенции: глубокое понимание ландшафтоведения и биогеографии должно сочетаться со знанием эпидемиологии и медицинской статистики. В России подготовка ведется лишь на нескольких площадках (МГУ, РУДН, Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова – по направлению «медицинская география»). Согласно исследованию НИУ ВШЭ, спрос на медицинских географов в департаментах здравоохранения субъектов РФ за последние 5 лет вырос на 60%, однако предложение на рынке труда остается крайне низким [2].

Ключевым трендом, меняющим облик редких географических профессий, является цифровая трансформация. Внедрение геоинформационных систем (ГИС), технологий лазерного сканирования (LiDAR) и искусственного интеллекта (ИИ) смещает акценты с чисто полевой работы на камеральную обработку больших данных.

Например, профессия урбаниста-климатолога, которая 20 лет назад считалась экзотикой, сегодня трансформировалась в востребованную нишу. Специалисты моделируют городские «острова тепла», используя спутниковые снимки высокого разрешения и алгоритмы машинного обучения. Тем не менее, парадокс цифровизации заключается в том, что для верификации цифровых моделей по-прежнему необходимы уникальные полевые навыки. Таким образом, редкие профессии эволюционируют в гибридные форматы, где экспедиционный опыт становится конкурентным преимуществом, а не анахронизмом [3].

Редкие географические профессии представляют собой важнейший

элемент научно-технологического суверенитета государства. Специалисты узкого профиля – палеогеографы, гляциологи, медицинские географы – обеспечивают выполнение задач, которые не могут быть решены специалистами «широкого профиля» или автоматизированы полностью.

Анализ показывает, что система воспроизводства этих кадров сталкивается с системными вызовами: старение научно-педагогических школ, недостаточная материально-техническая база для полевых практик и отсутствие четкого государственного заказа на подготовку. Перспективным направлением представляется внедрение модульного принципа обучения, при котором фундаментальное географическое образование дополняется узкими треками, а также развитие института «профессоров-практиков» для передачи эмпирического экспедиционного опыта.

Сохранение и развитие редких географических профессий требует консолидированных усилий университетов, академической науки и отраслевых министерств, так как утрата этих компетенций приведет к необратимым потерям в способности страны прогнозировать природные риски и осваивать территории с экстремальными условиями.

Список литературы

1. Бакланов, П. Я. Геосистемный подход в географических исследованиях / П. Я. Бакланов / Тихоокеанская география. - 2020. - № 1. - С. 7-12.

2. Андрющенко, В. Ю. Импортзамещение геоинформационных технологий в образовательном процессе государственных вузов России / В. Ю. Андрющенко // Известия Саратовского университета. Науки о Земле. - 2025. - Т. 25. - № 2. - С. 146–152.

3. Молочко, А.В. Геоинформационное картографирование в экономической и социальной географии [Текст]: учебное пособие / А. В. Молочко, Д. П. Хворостухин /Москва: ИНФРА-М, 2026. - 127 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 740

ВЛИЯНИЕ СИСТЕМАТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ СПОРТИВНЫМИ БАЛЬНЫМИ ТАНЦАМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ У СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Мирошниченко Вероника Сергеевна

бакалавр

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД Российской Федерации

Аннотация. В статье исследуется вопрос о том, как систематические занятия спортивными бальными танцами могут повлиять на формирование стрессоустойчивости среди студентов высших учебных заведений. Актуальность данного исследования заключается в том, что в последнее время наблюдается увеличение психоэмоционального давления в образовательной среде, связанного в первую очередь с интенсивностью учебного процесса, экзаменационными сессиями, адаптацией учащихся к новым условиям учебной деятельности. В данном исследовании спортивные бальные танцы рассматриваются как средство формирования эмоциональной устойчивости, а также улучшения психоэмоционального состояния учащихся.

Наблюдаемые результаты позволили выявить положительное влияние систематических занятий спортивными бальными танцами на уровень стрессоустойчивости студентов и их адаптацию в образовательной среде. Полученные результаты могут быть использованы для разработки программ физической и психоэмоциональной поддержки студентов.

The article explores the way systematic practice of competitive ballroom dancing can influence the formation of stress resistance among students studying at

universities. The relevance of this study focuses on the fact that recently there has been an increase in psycho-emotional pressure within the educational environment, primarily related to the intensity of the educational process, examination sessions, and adaptation of students to new conditions of educational activity. In this study, competitive ballroom dancing is considered as a means of forming emotional stability, as well as improving the psycho-emotional state of students.

The observed results revealed a positive impact of systematic ballroom dancing activities on the level of students' stress resistance and their adaptation in the educational environment. The obtained results can be used to develop programs for physical and psycho-emotional support of students.

Ключевые слова: *спортивные бальные танцы, стрессоустойчивость студентов, психоэмоциональное состояние, физическая активность, адаптация в образовательной среде, систематические занятия*

Keywords: *ballroom dancing, students' stress resistance, psycho-emotional state, physical activity, adaptation in the educational environment, systematic training*

Современная система высшего образования предъявляет к психофизиологическому статусу обучающихся высокие требования, следствием чего происходит усиление стрессовых состояний. Данный процесс оказывает деструктивное влияние на когнитивные функции и мотивационную осознанность, что в конечном итоге ведёт к снижению академической успеваемости. В связи с этим интеграция эффективных инструментов психологической поддержки в образовательную политику высших учебных заведений приобретает характер необходимости. Традиционные подходы к профилактике стресса у студентов, как правило, ограничиваются консультативными формами работы и рекомендациями по соблюдению норм здорового образа жизни, что, как показывают современные исследования, демонстрирует недостаточную эффективность в условиях систематических психоэмоциональных нагрузок. Однако эти меры не всегда учитывают необходимость комплексного воздействия на физиологические и психологические аспекты стрессоустойчивости. Стоит отметить, что спортивные бальные танцы объединяют в себе телесные практики и элементы саморегуляции. С этой

точки зрения данный вид спорта обладает хорошими перспективами для исследований, ведь позволяет выявить новые методы формирования устойчивых адаптационных механизмов.

Актуальность данного исследования детерминирована значительной негативной динамикой роста психоэмоциональных расстройств у студентов, которые столкнулись с увеличивающейся конкуренцией на рынке труда, а также в целом последствиями периода пандемии и новыми вызовами в рамках развития современных технологий. Согласно новейшим данным, такие вопросы как эмоциональная нестабильность и выгорание, а также повышение уровня тревожности у студентов – становятся всё более актуальными [13; с. 64]. Однако, в высших учебных заведениях не уделяется должного внимания повышению стрессоустойчивости через внедрение специализированных видов двигательной активности в рамках существующих программ физического воспитания. Следовательно, особый исследовательский интерес состоит в том, чтобы определить потенциал спортивных бальных танцев как вида психологической адаптации (стоит также учесть, что данное средство адаптации среди студентов сравнительно мало изучено). Безусловно, традиционные формы физической активности (например, базовые семинары по физической культуре в университетах) не объединяют в себе элементы искусства, физического, эмоционального и социального взаимодействия, а также не создают эксклюзивные условия для формирования копинг-стратегий. В то время как спортивные бальные танцы оказывают комплексное воздействие на психические и физиологические состояния занимающихся [20; с. 171].

Новизна настоящего исследования состоит в недостаточной теоретической и практической разработанности заданной темы в отечественной психолого-педагогической науке.

Цель данного исследования заключается в эмпирическом подтверждении влияния систематических занятий спортивными бальными танцами на уровень стрессоустойчивости студентов высших учебных заведений.

Объект исследования – процесс формирования стрессоустойчивости у

студентов высших учебных заведений в условиях учебной деятельности.

Предмет исследования – влияние систематических занятий спортивными бальными танцами на уровень стрессоустойчивости студентов высших учебных заведений.

Гипотеза исследования – предполагается, что систематические занятия спортивными бальными танцами способствуют повышению уровня стрессоустойчивости студентов высших учебных заведений, поскольку положительное влияние регулярной двигательной активности, эмоциональной вовлеченности, развития коммуникативных навыков, формирования адаптационных механизмов на уровнях «я как движущая сила», «я как личность», «я как предмет самосознания» в условиях танцевальной деятельности способно повлиять на психоэмоциональное состояние студентов. Ожидается, что при регулярных занятиях спортивными бальными танцами студенты будут демонстрировать следующие изменения на уровне стрессоустойчивости: повышение эмоциональной устойчивости, повышение показателей психоэмоционального состояния, понижение чувствительности к стрессовым ситуациям, повышение адаптационного потенциала. В то же время у тех студентов, которые не участвуют в систематических занятиях спортивными бальными танцами, существенных изменений в уровне стрессоустойчивости не будет.

Методологическая основа исследования строится на применении эмпирического подхода с использованием количественных методов оценки психоэмоционального состояния и уровня стрессоустойчивости у студентов. Научная основа данного исследования представлена основополагающими положениями психологии личности, психологии стресса и адаптации, а также современными подходами к изучению влияния физической активности на психоэмоциональное состояние человека. В научной работе делается упор на труды в сфере стрессоустойчивости, эмоциональной регуляции и влияния двигательной активности на психическое здоровье учащихся. Основным методологическим подходом к разработке данного исследования послужил комплексный междисциплинарный подход на основе психологии, педагогики и физической культуры.

Использовался экспериментальный подход с применением контрольной группы и экспериментальной группы, что позволило выявить динамику изменений стрессоустойчивости учащихся при систематических занятиях спортивными бальными танцами. Методология исследования предполагает констатирующий, формирующий и контрольный этапы эксперимента, что позволит отследить динамику изменения показателей стрессоустойчивости. Чтобы добиться поставленной цели, был осуществлен эксперимент с 60 учащимися, где 50% из них прошли трехмесячный курс тренировок, а другие 50% игнорировали любые тренировки, кроме базового курса физической культуры в университете обучения. Сопоставительный анализ показателей стрессоустойчивости до и после экспериментального курса тренировок осуществлялся с помощью стандартизированных психометрических методик: опросника определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Раге [4], а также теста на определение психоэмоционального состояния (опросник САН) [6].

Методы исследования включают в себя теоретические методы (анализ научной и методической литературы, обобщение научных подходов к проблеме изучения стрессоустойчивости у студентов), систематизация теоретических данных, сравнительный анализ влияния физической активности на стрессоустойчивость), эмпирические методы (педагогический эксперимент, анкетирование студентов, наблюдение за участниками эксперимента, психодиагностическое тестирование, сравнительный анализ результатов экспериментов двух групп), психодиагностические методы (тест на определение психоэмоционального состояния опросник САН и методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Раге), методы математико-статистической обработки (расчет процентного распределения результатов, сравнительный анализ результатов эксперимента, корреляционный анализ).

Теоретические основы стрессоустойчивости

Стресс – сложная физиологическая реакция организма на действие экзогенных и эндогенных факторов, нарушающих гомеостатическое равновесие. Физиологический характер стресса предполагает его универсальность независимо

от вида нагрузки. Селье разделил стресс на эустресс (положительный) и дистресс (отрицательный), подчеркнув двойственный характер данного феномена [17]. Эустресс способствует повышению функциональных резервов организма за счет активации адаптационных механизмов. Дистресс развивается на фоне длительного действия стрессоров, он характеризуется истощением компенсаторных возможностей. Эта классификация имеет принципиальное значение для понимания границ между нормальной адаптацией и патологическими состояниями.

Академический стресс у студентов формируется под воздействием специфических стрессоров, включающих в себя высокую учебную загруженность, экзаменационные сессии и социально-адаптационные требования. Когнитивные проявления академического стресса представлены уменьшением концентрации внимания и памяти, что влияет на академическую успеваемость. Эмоциональный компонент академического стресса представлен повышенной тревожностью и раздражительностью. Вегетативные проявления академического стресса представлены нарушениями сна, изменением аппетита и соматическими проявлениями. Для периода обучения в вузе характерна комбинация академических и социальных стрессов, что усугубляет ситуацию.

Психологические стороны стрессоустойчивости развиваются посредством совокупности адаптивных механизмов. Копинг-стратегии – ключевые стороны стрессоустойчивости. Они позволяют осознанно преодолевать проблемы. Физиологическая база стрессоустойчивости лежит в основе нейроэндокринной регуляции. Активация гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой системы включает в себя выброс кортизола и катехоламинов, что способствует мобилизации ресурсов.

Более того, исследования подтвердили следующее: если человек тренируется системно, его организм постепенно изменяет свое отношение к стрессовым ситуациям. Формируются устойчивые нейробиологические механизмы – своего рода «привычка» справляться со всеми нагрузками и, при этом, исключая аутодеструктив. Следовательно, чем лучше натренированы его стресс-лимитирующие системы, тем выше адаптационный потенциал, а физическая активность

запускает производство антиоксидантов и ферментов, что способствует более быстрому восстановлению после эмоционального напряжения. Всё это является комбинацией, способствующей увеличению резистентности к стрессу.

В нашем исследовании в качестве объекта исследования были выбраны спортивные бальные танцы. Однако сразу стоит заметить, что спорт в данном случае не является таким же, как в общепринятом смысле слова. Напротив, это скорее определенный тип активности, при которой одновременно происходит пересечение трех пластов: физического, когнитивного и социального. Когда же танцор вынужден синхронизировать движения по музыкальному ритму, то происходит одновременное включение механизмов сенсомоторной интеграции и оперативного планирования. Переводя на простой язык, мозг в эти моменты времени решает не одну, а сразу несколько задач одновременно. Когда же к этому добавляется социальная составляющая и конкурентно-соревновательная, то можно говорить об очень серьезном функциональном изменении на эмоциональную саморегуляцию. Следовательно, этот тип нагрузок действует на стрессоустойчивость не как-то односторонне, а одновременно по нескольким каналам как с точки зрения физиологии, так и с точки зрения психологии.

Рассмотрим каким образом происходит влияние на стрессоустойчивость с точки зрения физиологии. При систематических тренировках организм начинает выстраивать свою нейроэндокринную регуляцию по-другому. Кортизол, который в состоянии хронического стресса всегда повышен, начинает нормализовываться. Происходит стимулирование в выработке эндорфинов. Всё вышеупомянутое создаёт ту самую базу, в рамках которой строится устойчивость к внешним неблагоприятным факторам. Но важно и другое. В танце человек выражает эмоции через движение, и это активирует когнитивные механизмы переоценки стрессовых ситуаций.

Когда человек интерпретирует музыку и при этом импровизирует в заданных хореографических рамках, развивается когнитивная гибкость и эмоциональный интеллект. Психологический эффект здесь не просто дополняет физиологический – они работают в связке, создавая единую систему защиты.

Еще один важный момент – групповая динамика, которая возникает в парных танцах. Это уникальная среда для социальной поддержки и развития коммуникативных навыков. Работа в паре требует эмпатии, умения понимать партнера без слов, синхронизировать свои движения с его движениями. Всё это естественным образом способствует формированию просоциального поведения. А когда у человека есть такая поддержка и навыки взаимодействия, его общая сопротивляемость стрессу становится выше.

Эмпирический этап исследования

В исследовании участвовало 60 студентов высших учебных заведений в возрасте от 18 лет до 23 лет, которые были отобраны по следующим критериям: добровольное участие, отсутствие хронических заболеваний, регулярная учебная деятельность. Весь испытуемый контингент разделен на экспериментальную и контрольную группы методом случайного отбора. Демографические характеристики испытуемых в рамках исследования соответствуют типичной структуре студенческого контингента ВУЗов Российской Федерации по признакам пола и формы освоения учебной программы. Экспериментальная группа состоит из 30 студентов (15 мужчин и 15 женщин), посещающих секцию спортивных бальных танцев, контрольная группа – 30 студентов без специализированной физической активности. Распределение по специальностям: гуманитарные (65%), технические (10%) и естественнонаучные (25%). Критериями исключения из исследования являлись профессиональные занятия любым видом спорта или танцев на момент исследования.

Исследование проводилось в течение 12 недель, а экспериментальная программа включала в себя три основных этапа: первичную диагностику, экспериментальную программу, а также итоговое тестирование. Программа занятий спортивными бальными танцами для экспериментальной группы предполагала регулярные тренировки по 90 минут три раза в неделю под руководством сертифицированных инструкторов в виде посещения дополнительной танцевальной секции (на частной платной основе) в внеучебное время. Контрольная группа продолжала пользоваться привычным режимом учебной деятельности без

дополнительных физических тренировок (не считая посещения базового курса физической культуры в университете). Процедура исследования соответствовала этическим нормам, поскольку участникам была предоставлена информация о цели работы.

Для определения стрессоустойчивости применялись стандартизированные методики: методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Раге [4], а также тест для определения психоэмоционального состояния человека – опросник САН [6].

Методика Холмса и Раге позволяет оценить уровень стрессовой нагрузки количественно, изучая значимые жизненные события, что дало объективизацию полученных результатов. В качестве дополнительного инструмента использовался тест на определение психоэмоционального состояния (опросник САН), который позволяет оценить вариативность ответа. Выбор методик обусловлен их надёжностью и адаптируемостью к студенческой популяции.

Сочетание опросников, направленных на оценку как внешних стрессоров, так и внутренних ресурсов личности, позволило получить комплексные данные.

Результаты диагностики стрессоустойчивости студентов до и после начала занятий

Первичная диагностика стрессоустойчивости студентов выявила неоднородное распределение показателей в обеих группах. Результаты первичной диагностики стрессоустойчивости показали следующее. В экспериментальной группе: по методике адаптации Холмса и Раге 53 % респондентов устойчивы к стрессу, 39 % респондентов чувствительны к стрессу, 8 % чувствительны к стрессу за пределами нормы. В контрольной группе: по методике адаптации Холмса и Раге 49 % респондентов устойчивы к стрессу, 41 % респондентов чувствительны к стрессу, 10 % чувствительны к стрессу за пределами нормы.

В рамках теста на определение психоэмоционального состояния (опросник САН) в экспериментальной группе: 57 % респондентов устойчивы к стрессу, 36 % респондентов чувствительны к стрессу, 7 % чувствительны к стрессу за пределами нормы. В контрольной группе: 55 % респондентов устойчивы к стрессу,

39 % респондентов чувствительны к стрессу, 6 % чувствительны к стрессу за пределами нормы.

Полученные данные свидетельствуют о преобладании средних значений стрессоустойчивости в общей выборке. Сравнительный анализ экспериментальной и контрольной групп не выявил статистически значимых различий на начальном этапе исследования. В обеих группах наблюдалось схожее процентное соотношение студентов с высокими, средними и низкими показателями стрессоустойчивости. Данное распределение подтверждает репрезентативность выборки и обеспечивает обоснованность последующего экспериментального воздействия.

После курса занятий спортивными бальными танцами в экспериментальной группе зафиксированы статистически значимые улучшения: по методике адаптации Холмса и Раге результаты реципиентов 73%, 22%, 5%, соответственно; в рамках теста на определение психоэмоционального состояния (опросник САН): 67%, 29%, 4%, соответственно.

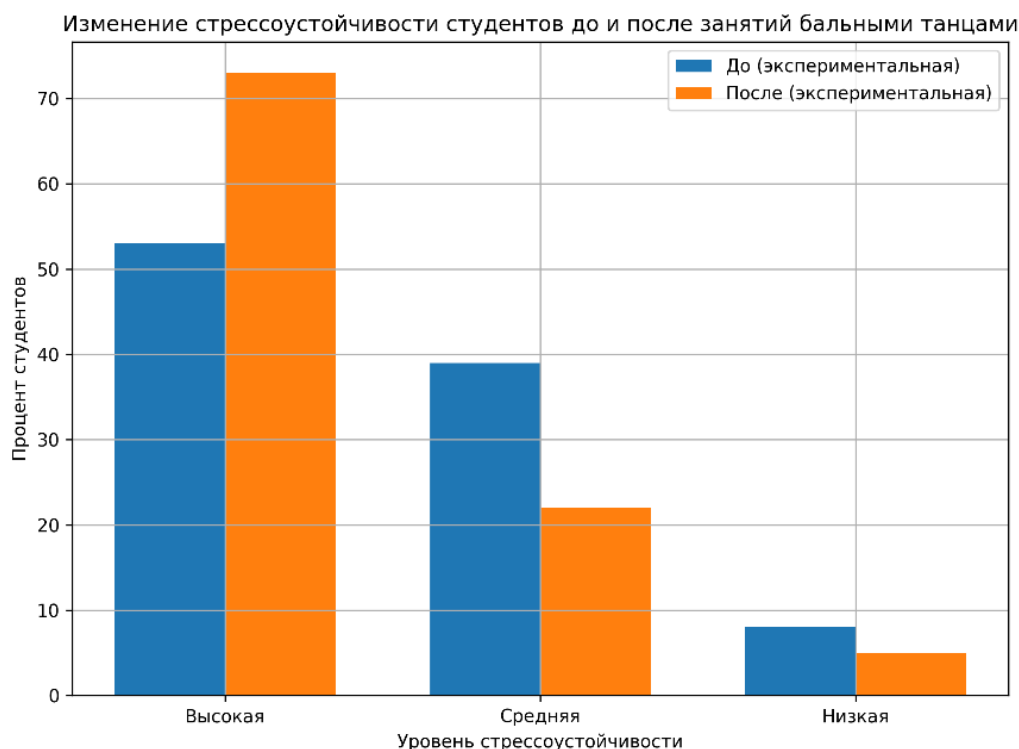

Рисунок 1 – Результаты ответов реципиентов экспериментальной группы исследования по методике адаптации Холмса и Раге

При этом, результаты контрольной группы, практически не изменились: по методике адаптации Холмса и Раге результаты реципиентов 50%, 42%, 8%, соответственно; в рамках теста на определение психоэмоционального состояния (опросник САН): 54%, 40%, 6%, соответственно.

Следует подчеркнуть, что участники экспериментальной группы проявляли усиленную способность к концентрации внимания при решении сложных задач. Выводы, основанные на результатах обеих систем опроса, показывают положительное влияние на когнитивные механизмы преодоления стресса при танцевальной практике. Эмоциональный и поведенческий аспект стрессоустойчивости претерпел существенные изменения.

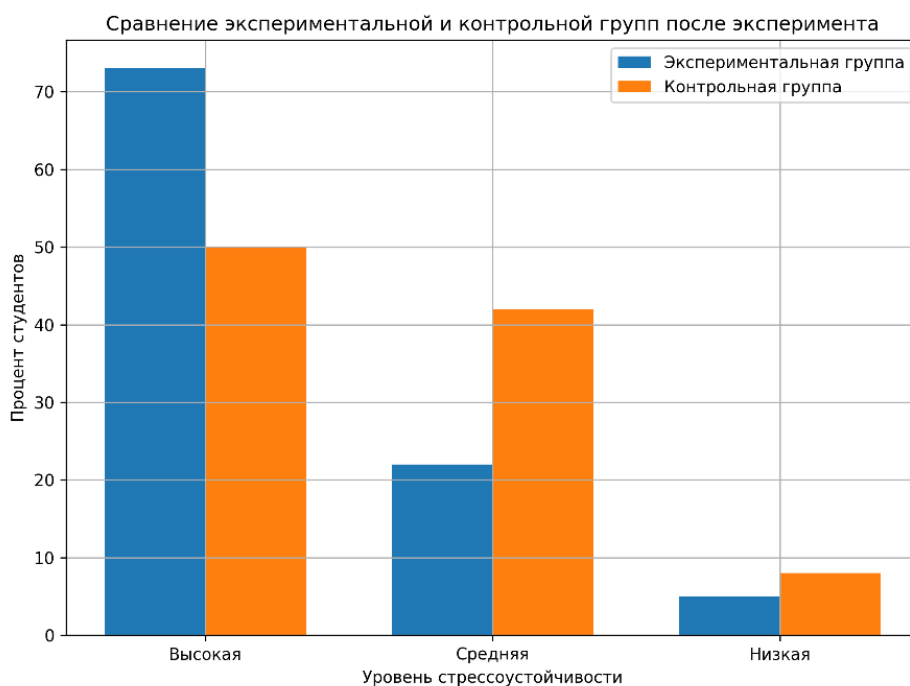

Рисунок 2 – Сравнительный анализ показателей стрессоустойчивости экспериментальной и контрольной групп после проведения эксперимента (по методике Холмса и Раге)

Согласно результатам опроса, поведенческое изменение проявилось в усилении социальной активности и качестве сна. Студенты, которые относились к экспериментальной группе чаще прибегали к адаптивным стратегиям совладания со стрессовыми ситуациями в академической среде. Кроме того, физиологическая адаптация участников экспериментальной группы была более быстрой по сравнению с контрольной группой. В контрольной группе подобные факторы

оставались на стабильном, практически неизменном уровне на протяжении всего времени. Полученные данные подтверждают наличие конкретного влияния спортивных бальных танцев на формирование стрессоустойчивости.

Интерпретация полученных данных. Корреляционный анализ влияния бальных танцев на стрессоустойчивость

Полученные данные корреляционного исследования подтвердили наличие устойчивой положительной взаимосвязи между регулярностью занятий спортивными бальными танцами и степенью стрессоустойчивости у студентов.

В рамках исследования выведена корреляционная зависимость регулярности занятий спортивными бальными танцами и уровень стрессоустойчивости у студентов (рис. 3). Исходя из графика видно, что прослеживается отчетливая закономерность: студенты, которые входили в экспериментальную группу, имеют показатели стрессоустойчивости заметно выше, чем у студентов из контрольной группы. При этом, данная разница не случайна – она устойчиво проявляется на всем протяжении наблюдения. Линия тренда на графике подтверждает: между этими двумя переменными действительно существует положительная корреляция. Таким образом, чем чаще занятия танцами, тем выше способность справляться со стрессом.

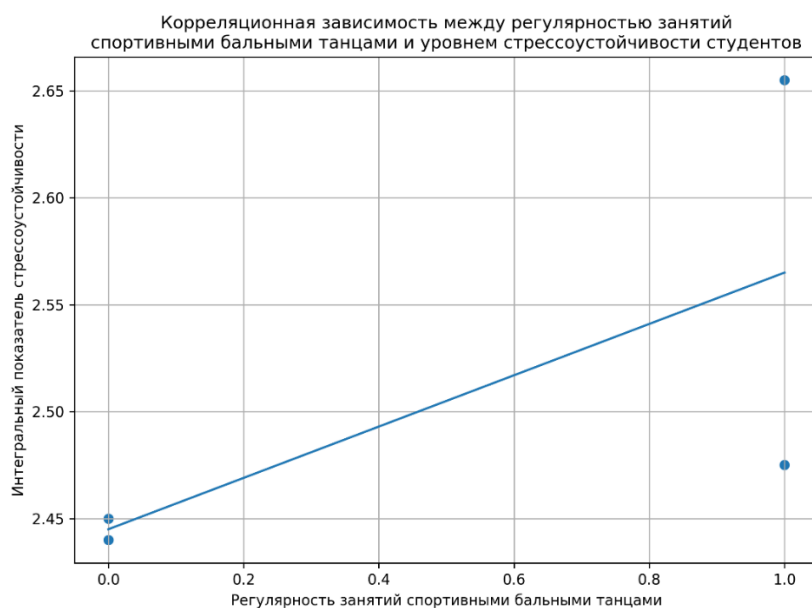

Рисунок 3 - Корреляционная зависимость между регулярностью занятий спортивными бальными танцами и уровнем стрессоустойчивости студентов

Исходя из всего сказанного, можно сделать вывод: спортивные бальные танцы оказывают комплексное положительное влияние на психофизиологические процессы организма. Они работают не точечно, а сразу на нескольких уровнях – физиологическом, эмоциональном и социальном.

Заключение

Проведенное эмпирическое исследование подтвердило исходную гипотезу. В результате сравнения показателей студентов до начала занятий и после, можно проследить отчетливую положительную динамику. У тех, кто систематически занимался спортивными бальными танцами, психофизиологическое состояние улучшилось.

Указанные в данном исследовании результаты, безусловно, не охватывают всего объема исследуемых областей, которые требуют дальнейшей научной оценки. В частности, предметом особого интереса должен стать анализ долгосрочных результатов, достигнутых путем танцевальной деятельности. Важно выяснить, а как именно сохраняется достигнутый уровень психофизиологической устойчивости после завершения регулярных занятий? Сохраняется ли он в полном объеме? Или для удерживания результата необходима определенная периодичность поддерживающих тренировок?

Не менее важен также и сравнительный аспект. Спортивные бальные танцы имеют свою специфику, и хотелось бы выяснить, чем именно эта специфика обусловлена в отличие от какой-либо другой двигательной активности. Командные виды спорта дают один тип воздействия, индивидуальные тренировки – другой, а парные танцы, судя по всему, занимают промежуточную позицию, интегрируя элементы того и другого. Уточнение этих различий, в свою очередь, позволило бы более точно определить уникальный вклад бальных танцев в формирование стрессоустойчивости с точки зрения психофизиологических механизмов.

Кроме того, значительный научный потенциал заложен в разработке дифференцированных программ. Аудитория студенческого возраста совершенно не однородна: у одних преобладают тревожные проявления, у других усилены

соматические реакции на стресс, у третьих выдвигается на первый план эмоциональная лабильность. Программа же, учитывающая эти индивидуальные психофизиологические особенности, позволила бы применять танцевальные методики более адресно и, за счет этого, повысить их эффективность при интеграции в образовательный процесс.

Список литературы

1. Айтбаева Г. Влияние занятий спортом на стрессоустойчивость подростков / Теория и практика современной науки. — 2021. — №5. — С. 26–28.
2. Ветрова Т. В., Леонтьева М. О., Трохманенко С. В. и др. Взаимовлияние регулярной физической активности и уровня тревожно-депрессивного состояния человека / Вестник психотерапии. — 2024. — №92. — С. 25–33.
3. Герасимов П. Е., Фролов М. Ю., Чучин В. В. Влияние различных видов спорта на стрессоустойчивость студентов / Известия ВГПУ. — 2019. — №4. — С. 76–79.
4. Гулиева Х. Б., Белобрыкина О. А. Стрессоустойчивость личности: к вопросу о диагностической информативности методики Т. Холмса и Р. Page / Scientific journal «РЕМ: Psychology, Educology, Medicine». — 2015. — №3 (4). — С. 149–167.
5. Дворцова Е. В., Бочкарева О. Н. Влияние занятий танцами на стрессоустойчивость студентов / Теория и практика социогуманитарных наук. — 2022. — №3. — С. 68–77.
6. Донцов Д. А. Психодиагностическое изучение функционального состояния атлетов на разных этапах спортивной подготовки / МГУ им. Ломоносова. Человеческий капитал. — 2019. — №10 (130). — С. 106–117.
7. Ключников А. В., Коняхин М. В., Масло И. М. Проблема реализации индивидуального подхода к занимающимся в процессе физического воспитания студентов / Вестник МДПУ имени И. П. Шамякина. — 2010. — С. 55–59.
8. Коняев И. Д., Захарьева Н. Н. Физиологические механизмы и психологические факторы развития стресс-реакции у спортсменов высокой

квалификации, занимающихся танцевальным спортом / Патогенез. — 2024. — №2. — С. 5–12.

9. Костенко Е. М., Огнев С. А. Практический инструментарий психологической работы с профессиональным стрессом / Мировые цивилизации. — 2021. — №2. — С. 1–10.

10. Лемур Т. Ф. Шкала психологического стресса PSM-25 (Perceived Stress Measure, G. Lemyre, P.T.P. Wong, 1986). Адаптация Н. Е. Водопьяновой / Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. — СПб.: Питер, 2009. — С. 136-140.

11. Ли Хаожань Влияние спортивного танца на физическое и психологическое благополучие / Педагогика. — 2023. — №73. — С. 11–15.

12. Малецкая В. В. Особенности самооценки танцоров, занимающихся спортивными бальными танцами / Психология личности спортсмена и тренера. — 2016. — №3. — С. 20–24.

13. Ненахова Е. В., Байкова О. А., Земскова А.В. Особенности эмоционального выгорания студентов / Эпомен: медицинские науки. — 2022. — №5. — С. 58–66.

14. Ольховская Е. Б. Антистрессовые технологии в физическом воспитании студентов / Гуманитарный научный вестник. — 2021. — №1. — С. 33–37.

15. Попов А. А., Юлина Г. Н. Формирование стрессоустойчивости школьников-спортсменов в рамках дополнительного образования детей / Модернизация образования: теория и практика. — 2023. — №3. — С. 35–40.

16. Пушкарева А. М., Попова А. И. Значимость дифференцированного подхода к физическому воспитанию студентов не физкультурного профиля / Физическое воспитание и спортивная тренировка. — 2022. — №1. — С. 203–205.

17. Селье Г. Стресс без дистресса. — М.: Прогресс, 1982. — 124 с.

18. Тхагапсо М. А. Влияние танцев на физическое и эмоциональное развитие детей / Вестник науки. — 2025. — №5. — С. 1264–1268.

19. Шевлякова А. Н., Коновалова Т. Г. Влияние спортивных танцев на психоэмоциональное состояние студенток технического вуза / Молодёжный вестник ИрГТУ. — 2020. — №2. — С. 169–172.

20. Щетинина С. Ю. Влияние занятий физической культурой и спортом на снижение стресса у студентов вуза / Ученые записки университета имени п.ф. Лесгафта. — 2025. — №4. — С. 245–251.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 39:396 (470.661)

ЖЕНЩИНА В ЧЕЧЕНСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ИЗМЕНЕНИЕ СТАТУСА И СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ В XX-XXI ВВ.

Успанов Шамиль Саламбекович

аспирант

Северо-Кавказский Государственный институт искусств

***Аннотация.** Статья анализирует изменение статуса и социальных ролей чеченской женщины в XX–XXI вв. Рассматривается эволюция гендерных норм от традиционного общества через советский период эмансипации к трансформациям в условиях чеченских войн и постсоветской ретрадиционализации. Показано сочетание сохранения традиционных ожиданий с ростом экономической и воспитательной роли женщины в современном чеченском обществе.*

***Ключевые слова:** чеченская женщина, гендерные роли, статус женщины, чеченская культура, адат, исламское возрождение, чеченские войны, постсоветский период*

***Abstract.** The article analyzes the transformation of the status and social roles of Chechen women in the 20th–21st centuries. It examines the evolution of gender norms from traditional society, through the Soviet period of emancipation, to the changes during the Chechen wars and post-Soviet re-traditionalization. The study shows the combination of preserved traditional expectations with the increased economic and educational roles of women in contemporary Chechen society.*

***Keywords:** chechen woman, gender roles, women's status, Chechen culture, adat, Islamic revival, Chechen wars, post-Soviet period*

Чеченская женщина традиционно занимала особое место в обществе, сочетая высокий символический статус хранительницы домашнего очага, языка и нравственных ценностей с подчинённым положением в публичной сфере. В XX–

XXI вв. статус и социальные роли женщины претерпели значительные изменения под влиянием советской политики эмансипации, двух чеченских войн, миграции и постсоветской ретрадиционализации. Историко-культурный анализ позволяет проследить, как традиционные институты (адат и ислам) взаимодействовали с внешними вызовами, приводя к двойственному процессу: сохранению патриархальных ожиданий и расширению экономической и воспитательной роли женщины.

Традиционный статус женщины в дореволюционном и раннесоветском чеченском обществе

В традиционном чеченском обществе, регулируемом обычным правом (адат) и суфийским исламом, женщина обладала высоким моральным авторитетом, но ограниченными публичными правами. Она считалась хранительницей семейной чести («намус»), отвечала за воспитание детей, ведение хозяйства и передачу культурных традиций. Хотя некоторые дореволюционные исследователи описывали положение женщины как бесправное, этнографические данные показывают более сложную картину: женщина имела право на собственность (приданое), могла влиять на семейные решения через совет с родственниками и пользовалась уважением в старшем возрасте, особенно как мать сыновей.

С установлением советской власти в 1920–1930-е гг. началась политика «эмансипации горянки». Советское государство боролось с практиками вроде калыма (выкуп невесты), похищения невест и многожёнства, вводило обязательное образование для девочек, привлекало женщин к работе на колхозах и предприятиях. Это привело к появлению «двойной нагрузки»: женщина совмещала оплачиваемый труд с традиционными домашними обязанностями. Тем не менее, советский период заметно повысил уровень грамотности и профессиональной активности чеченских женщин, хотя патриархальные нормы в семье сохранялись.

Изменения в период чеченских войн (1990-е – 2000-е гг.)

Две чеченские войны радикально трансформировали гендерные роли. В условиях разрушения экономики, гибели или отсутствия мужчин женщины вынужденно взяли на себя функции кормильцев семьи. Они занимались мелкой

торговлей, гуманитарной помощью, уходом за ранеными и даже участвовали в боевых действиях (в том числе в качестве снайперов или «чёрных вдов» — женщин-смертниц). Война усилила как традиционные, так и новые роли: с одной стороны, женщина стала символом национального сопротивления и материнности, с другой — подверглась повышенному риску гендерного насилия, включая сексуальное.

В период вынужденной миграции (в Россию, Европу и другие страны) чеченские женщины часто становились главными адаптерами семьи. Они быстрее осваивали новые языки, находили работу и поддерживали связь с родиной. Исследования показывают, что опыт войны и exile привёл к усилению экономической самостоятельности женщин, но одновременно вызвал стремление к восстановлению «традиционного порядка» как механизма психологической защиты и культурной преемственности.

Постсоветская ретрадиционализация и современное положение (2010–2020-е гг.)

После стабилизации под контролем федеральных властей и политики «чеченизации» в Чеченской Республике произошёл заметный поворот к ретрадиционализации. Укрепление исламских норм (включая поощрение многожёнства, строгие правила скромности в одежде и поведении) сочеталось с сохранением элементов адата. Женщинам рекомендуется ранний брак, приоритет семейных обязанностей и ограничение публичной активности. Кампании по «модестности» (скромности) и борьба с «нечестивым» поведением усилили контроль над женским телом и поведением.

Вместе с тем современные чеченские женщины демонстрируют значительную экономическую и образовательную активность. Многие работают, получают высшее образование и становятся основными кормильцами в семьях, особенно в условиях миграции. В диаспоре наблюдается двойственный процесс: старшее поколение часто придерживается традиционных норм, передавая язык и культуру детям, в то время как младшее поколение частично адаптируется к западным ценностям, сохраняя при этом этническую идентичность.

Исследования отмечают, что женщины в Чечне чаще мужчин обращаются к государственному праву в семейных конфликтах, пытаясь защитить свои интересы в условиях правового плюрализма (российское законодательство, адат и шариат). Это свидетельствует о стремлении к большей автономии, хотя такое поведение нередко вызывает общественное и государственное сопротивление.

Заключение

Изменение статуса чеченской женщины в XX–XXI вв. представляет собой сложный процесс баланса между преобразованием и адаптацией. Советская эмансипация, войны и миграция расширили экономические и социальные возможности женщин, сделав их более самостоятельными. Однако постсоветская ретрадиционализация и укрепление религиозных норм вернули акцент на традиционные ожидания скромности и семейной роли. Чеченская женщина продолжает оставаться хранительницей культурной памяти и нравственных ценностей, одновременно демонстрируя высокую адаптивность. Этот опыт отражает общие тенденции гендерных трансформаций в постконфликтных и постсоветских обществах Северного Кавказа.

Список литературы

1. Lazarev E. Laws in Conflict: Legacies of War, Gender, and Legal Pluralism in Chechnya / *World Politics*. 2019. Vol. 71. No. 4. P. 667–709.
2. Szczepanikova A. Chechen women in war and exile: changing gender roles in the context of violence / *Nationalities Papers*. 2015. Vol. 43. No. 5. P. 1–18.
3. Banner F. Chechen Women's Roles in the Russo-Chechen Wars / *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2008.
4. Натаев С. А. К вопросу о социальном статусе женщины в чеченской традиционной семье / *CyberLeninka*, 2015.
5. EASO Country of Origin Information Report: Chechnya – Women and Girls. September 2014.
6. Pitts Ch. “Caucasian Captives”: Addressing Women’s Rights and Agency in Chechnya. University of Texas at Austin, 2025.

7. Włodarczyk Z.A. Female Chechen Refugees Fleeing Domestic Violence. 2022.
8. Forbes. Women Peace Builders In Chechnya Face Religious Traditions. 2020.
9. Piyasov M. To Be or Not to Be a Chechen? The Second Generation of Chechen Migrants in Europe / Journal of Ethnic and Migration Studies. 2021.
10. Денильханов И. С., Межиева К. Х. и др. Работы по культурным трансформациям и гендерным аспектам в чеченском обществе (CyberLeninka, различные годы).

УДК 39:316(470.6)

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ЧЕЧЕНЦЕВ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ИСТОРИКО-
КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ****Успанов Шамиль Саламбекович**

аспирант

Северо-Кавказский Государственный институт искусств

***Аннотация.** Статья представляет историко-культурный анализ трансформации этнокультурной идентичности чеченцев в постсоветский период (1991–2020-е гг.). Рассматривается влияние двух чеченских войн, исламского возрождения, миграционных процессов и политики интеграции на изменение традиционных форм самоидентификации. Выявляются основные этапы трансформации: кризис 1990-х годов, религиозно-политическая консолидация 2000-х и формирование гибридной идентичности в 2010–2020-е годы. Показано, что несмотря на глубокие изменения, ядро этнокультурной идентичности сохраняет устойчивость благодаря механизмам культурной памяти и адаптивным стратегиям.*

***Ключевые слова:** этнокультурная идентичность, чеченцы, постсоветский период, чеченские войны, исламское возрождение, традиционная культура, гибридная идентичность, культурная память, Северный Кавказ*

***Abstract.** The article offers a historical and cultural analysis of the transformation of Chechen ethnocultural identity in the post-Soviet period (1991–2020s). It examines the impact of the two Chechen wars, the Islamic revival, migration processes, and integration policies on changes in traditional forms of self-identification. The main stages of this transformation are identified: the crisis of the 1990s, religious-political consolidation in the 2000s, and the formation of a hybrid identity in the 2010–2020s.*

It is shown that, despite profound changes, the core of Chechen ethnocultural identity retains its stability through the mechanisms of cultural memory and adaptive strategies.

Keywords: *ethnocultural identity, Chechens, post-Soviet period, Chechen wars, Islamic revival, traditional culture, hybrid identity, cultural memory, North Caucasus*

Статья представляет историко-культурный анализ трансформации этнокультурной идентичности чеченцев в постсоветский период (1991–2020-е гг.). Рассматривается влияние двух чеченских войн, исламского возрождения, миграционных процессов и политики интеграции на изменение традиционных форм самоидентификации. Выявляются основные этапы трансформации: кризис 1990-х годов, религиозно-политическая консолидация 2000-х и формирование гибридной идентичности в 2010–2020-е годы. Показано, что несмотря на глубокие изменения, ядро этнокультурной идентичности сохраняет устойчивость благодаря механизмам культурной памяти и адаптивным стратегиям.

Постсоветский период стал временем радикальных трансформаций для чеченского общества. Распад СССР, две чеченские войны (1994–1996 и 1999–2009 гг.), вынужденная миграция и последующая интеграция в российское пространство существенно повлияли на этнокультурную идентичность чеченцев. Традиционные институты — тейпы, адат, суфийские вирды — столкнулись с вызовами урбанизации, глобализации и государственной политики. Историко-культурный анализ позволяет проследить, как эти процессы повлияли на самоидентификацию народа, сохранив при этом ядро этнической устойчивости.

Кризис идентичности 1990-х годов

1990-е годы ознаменовались глубоким кризисом чеченской идентичности. Первая чеченская война (1994–1996 гг.) и последовавший период фактической независимости привели к разрушению социальной структуры. Согласно этнографическим исследованиям, война ускорила эрозию традиционной духовной культуры, поскольку общество, сохранявшее черты аграрного типа, оказалось в условиях тотального насилия и политического хаоса.

Чеченцы столкнулись с необходимостью переосмысления своей роли в

российском пространстве. Этническая идентичность усилилась как реакция на внешнее давление, но одновременно произошла фрагментация: усилились внутривеченские противоречия между тейпами, религиозными группами и политическими фракциями. Исламское возрождение в этот период носило противоречивый характер — от суфийских традиций к распространению салафитских идей, что привело к внутренним конфликтам. Миграционные потоки (в Россию, Европу и страны Ближнего Востока) способствовали формированию диаспоры, где чеченцы вынуждены были адаптироваться к новым культурным средам, сохраняя при этом этническую память о депортации 1944 г. и войнах.

Религиозно-политическая консолидация 2000-х годов

В 2000-е годы, после второй чеченской кампании, начался процесс религиозно-политической консолидации. Политика «чеченизации» (передача власти местным элитам под контролем федерального центра) и деятельность Р. Кадырова способствовали стабилизации. Исламское возрождение приобрело организованный характер: возрождались суфийские вирды, мечети, но при этом государство активно регулировало религиозную сферу, отвергая радикальные течения.

Этнокультурная идентичность в этот период эволюционировала от конфронтационной к более интегрированной. Традиционные институты (тейпы, адат) частично сохранились, но адаптировались к новым реалиям. Социологические исследования показывают, что чеченская молодежь сохраняла сильную тейповую идентичность, хотя ее роль в повседневной жизни трансформировалась. Культурная память о войнах и депортации стала основой консолидации, а ислам выступил как объединяющий фактор, интегрированный в этническую идентичность.

Формирование гибридной идентичности в 2010–2020-е годы

В 2010–2020-е годы чеченская идентичность приобрела гибридный характер. С одной стороны, сохранялись этнические традиции, язык, семейные ценности и культурная память. С другой — усилилась лояльность российскому государству, подкрепленная экономической интеграцией и символической

политикой (переименование топонимов в Грозном, акцент на «чеченских героях» и религиозных символах). Топонимическая политика властей Чечни закрепила новую идентичность: религиозную, милитарную и этнокультурную одновременно.

Миграция и диаспора сыграли двойственную роль. В Европе и других регионах второе поколение чеченцев частично трансформировало идентичность под влиянием местных культур, но исследования показывают, что ядро этнической самоидентификации (честь, свобода, семейные связи) осталось устойчивым. Глобализация и цифровизация способствовали сохранению связей с родиной через социальные сети, что усилило механизмы культурной памяти.

Несмотря на глубокие изменения, этнокультурная идентичность чеченцев демонстрирует устойчивость. Адаптивные стратегии — селективное принятие модернизации при сохранении традиций — позволили сохранить ядро: представление о «маршо» (свободе), тейповой солидарности и исламских ценностях в их суфийской форме.

Заключение

Трансформация этнокультурной идентичности чеченцев в постсоветский период — это не разрушение, а адаптация. Две войны, исламское возрождение, миграция и интеграционная политика радикально изменили формы самоидентификации, но механизмы культурной памяти и гибкие стратегии обеспечили устойчивость ядра идентичности. Этот опыт важен для понимания этнических процессов в постконфликтных обществах Северного Кавказа и постсоветского пространства в целом.

Список литературы

1. Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте: этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001.
2. Эльбуздукаева Т.У. Ethnocultural Processes In The Chechen Society In 20th–21st Centuries / European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2022.
3. Илиясова М. Chechen ethnic identity: assessing the shift from resistance to

loyalty / Middle Eastern Studies. 2018. Vol. 54. No. 3. P. 475–493.

4. Тхакахов В. Х. Идентичность и память в топонимической политике Чечни / CyberLeninka, 2019.

5. Жемчураева С. Ш. Тайповая идентичность молодежи Чеченской Республики: 11 лет спустя / CyberLeninka, 2024.

6. Данилкина Н. В. Этнокультурная трансформация постсоветского пространства. 2022.

7. Денильханов И. С. Культурные трансформации в жизни чеченского общества к началу XXI века / CyberLeninka, 2024.

8. Piyasov M. To Be or Not to Be a Chechen? The Second Generation of Chechen Migrants in Europe / Journal of Ethnic and Migration Studies. 2021.

**«ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНЫХ ИЗЫСКАНИЙ:
ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА»**

XIV Международная научно-практическая конференция

Научное издание

ООО «НИЦ ЭСП» в ЮФО

(Подразделение НИЦ «Иннова»)

353445, Россия, Краснодарский край, г.-к. Анапа,

ул. Весенняя, 8, оф. 1.

Тел.: 8-800-201-62-45; 8 (861) 333-44-82